

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

ВЕТЕР
С ВАРЯЖСКОГО МОРЯ

Елизавета Дворецкая

Ветер с Варяжского моря

«Автор»

1996

Дворецкая Е. А.

Ветер с Варяжского моря / Е. А. Дворецкая — «Автор», 1996

ISBN 978-5-444-49044-0

Северная Русь, конец X века. Однажды на торгу Загляда, дочь купца, увидела Снэульва и полюбила его. Чтобы найти средства для женитьбы, он отправился за море. Но обратно юноша возвратился в рядах вражеской дружины, с мечом в руке, в числе тех, кто явился разорять, убивать и брать в полон. Казалось бы, не суждено Загляде найти счастье с человеком, пришедшим на ее родину как враг. Тем более что и Вышеслав Владимирович, молодой новгородский князь, равнодушен к красавице, да и Тойво, сын знатного чудского рода, не прочь взять в жены богатую наследницу...

ISBN 978-5-444-49044-0

© Дворецкая Е. А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	45
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Е. А. Дворецкая

Ветер с Варяжского моря

© Дворецкая Е.А., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Пролог

Новгород, 997 год

Незадолго до сумерек Вышеслав выбрался на крыльцо подышать. Отец, князь Владимир Святославич, с самого утра принимал словенских бояр, собравшихся идти на чужд вместе с его киевской ратью. Гридницу наполняли гул голосов, звон оружия и чаш, новгородцы клялись князю в верности, обещали не посрамить его в походе, хвалились доблестью предков. Сновали холопы, таскали блюда и корчаги, катали бочонки. Даже медведь ревел, приведенный каким-то рыжим посадским для забавы князя и дружины. Несмотря на широкие окна, в гриднице висела духота, так что под вечер у Вышеслава уже шумело в ушах и стены, увешанные яркими щитами, покачивались перед взором. Все это было знакомо и нудно: пиров он за свои восемнадцать лет нагляделся предостаточно и его гораздо больше занимал предстоящий поход. Как старшему Владимирову сыну Вышеславу раньше других братьев предстояло принять на плечи свою долю трудов. С тех пор как ему исполнилось двенадцать, он уже не раз сопровождал отца в ближних и дальних походах: бывал и в Хорватской земле, и у болгар, не раз участвовал в столкновениях с печенегами. Но так далеко на север он, родившийся за Варяжским морем и покинувший те края в возрасте всего лишь полутора лет, еще не забирался, и теперь его томили любопытство и нетерпение. Скорее бы в поход!

На дворе тоже былолюдно и шумно. Возле коновязи не оставалось свободного местечка, застоявшиеся лошади топтались на месте, чужие жеребцы злобно ржали друг на друга. Боярские отроки сидели прямо на земле, между княжьими хоромами и дружинными избами расхаживали словенские и киевские гриди. Многие покачивались на неверных ногах после долгого пира, где-то тянули песню, кто с полянским, кто со словенским выговором. Но все же здесь было посвежее, в глазах прояснилось. Вышеслав спустился с высокого крыльца, придерживаясь за пузатый резной столб, и побрел к дружинной избе.

Между клетями распоряжался тиун, совсем охрипший за день и отбивший ладони о затылки и загривки бестолковых холопов. До ночи было еще далеко, княжеских гостей надлежало угощать. С заднего двора с клубами дыма доносился запах горелой щетины – видно, опаливали свинью. Челядинцы волокли резать упирающегося барана, двое других катили бочонок.

Из погреба поднялась молоденькая девушка. Обеими руками она прижимала к груди большую корчагу киевской работы, с узким горлом и двумя большими ручками, и смотрела под ноги, боясь, видимо, наступить на подол. Вышеслав остановился: впервые за этот бесконечный утомительный день он увидел что-то приятное. Утром в гриднице он заметил вокруг княгини Малфриды нескольких дочерей новгородских бояр: они были разряжены в заморские шелка, убраны золотом из Византии и серебром из варяжских земель, но ни одна ему не понравилась. Он их и разглядеть-то толком не смог в шуме и толкотне. А эта девушка, как луговая ромашка, как молодая березка со свежей листвой – стройная, легкая, ловкая даже с неудобной тяжелой корчагой в руках, – показалась ему тем глотком свежего воздуха, которого он так жаждал.

Глядя под ноги, девушка не видела куда идет и едва не натолкнулась на Вышеслава. Охнув и крепче прижав к груди свое тяжелое сокровище, она отпрянула и вскинула глаза на парня.

– Ах, Мати Макоше! – воскликнула она и встряхнула головой, стараясь отбросить с лица тонкие прядки светло-русых волос. Легкие кудряшки вились у нее на висках, надо лбом, на шее, прихотливо выбивались из длинной толстой косы. – Вот непутевый! – упрекнула она Вышеслава. – Что стал на дороге? Или тебе в хоромаш места мало?

Раньше словенский выговор, выдававший родство здешних жителей с чуждью, смешил выросшего на Киевщине Вышеслава, но в устах девушки показался не смешным, а милым и

красивым, будто песня. Не ответив, он посмотрел ей в лицо. Казалось, ничего особенного в ней нет, во всех славянских племенах живут такие девушки: сероглазые, темнобровые, румяные. Но от ее лица с немного вздернутым носиком веяло чем-то родным, приветливым, и, даже сердясь, она была хороша, словно сама богиня Леля.

– Что, совсем хмельной, с места сойти не можешь? – с сочувственным упреком спросила девушка. – Дотемна будешь стоять? Ну, стой, коли делать больше нечего.

Она хотела обойти Вышеслава, но он шагнул к ней, заступая дорогу.

– Давай донесу – уронишь, – предложил он, протягивая руки к корчаге.

Но девушка отстранилась.

– Не хвораю, сама управлюсь! – строго сказала она. Видно, он был тут не первым. – Без помощыльчиков обойдусь. Пусти!

– Экая ты сердитая! – Вышеслав улыбнулся. – Да не бойся, коли тиун забранится, я вступлюсь. Чья же ты? Здешняя?

– За меня и без тебя есть кому вступить! Дай пройти, ждут меня!

Но Вышеслав не давал ей дороги. Чем больше он смотрел на нее, тем больше она ему нравилась, но тем больше он удивлялся. Заметив поначалу только небеленую, простенько вышитую по вороту рубаху и корчагу в руках, он решил было, что девушка из здешней челяди. Но теперь он разглядел, что руки девушки белы и нежны, а на запястьях блестят гладкие браслеты из серебра. На груди ее, загороженной ручками корчаги, Вышеслав заметил ожерелье из крупных медово-рыжих сердоликов с пятью подвесками из полновесных дирхемов. Для робы убор дороговат – ее саму можно за него купить.

– Мы тут три дня уже, что ж я тебя раньше не видал? – расспрашивал княжич. – Ты здешняя? Чья ты дочь?

– Так и не увидишь меня больше – и вам скоро уходить, и мне тоже! – отговаривалась девушка, все поглядывая через плечо Вышеслава на крыльцо. – Нездешняя я, из Ладogi, на днях меня отец домой увезет.

– Как тебя звать?

– Кто зовет, тот и знает, а ты много будешь знать – скоро состаришься. Дай пройти, не до зари же мне стоять здесь с тобой! Ты зачем в Новгород-то шел, с чудью биться или на девиц глядеть?

– Да посмотри же ты на меня! – выведенный из терпения отговорками, потребовал Вышеслав и хотел взять ее за плечи, чтобы она перестала пятиться от него прочь.

И своего он добился – девушка вскинула глаза. Видно, она не привыкла к такому вольному обращению – прямо как боярышня. Но какая же боярышня сама потащит из погреба корчагу? Может, она дочка здешнего тиуна? Но, по правде сказать, сейчас Вышеславу было все равно, кто она такая. Он знал только то, что девушки милее он не видел за все восемнадцать лет своей жизни.

– Ждут же меня в палате... – повторила она.

– Да погоди, успеешь! – убеждал ее Вышеслав, торопясь, пока она опять не отвела глаза, из которых на него смотрела голубизна небес. – Не сердись на меня, мне же скоро в поход идти, един Бог знает, ворочусь ли. Ты бы не бранилась, а ласковым словом меня проводила.

– Неужто тебя проводить некому? – уже без возмущения, с пробудившимся сочувствием спросила девушка.

Лицо ее смягчилось, и Вышеславу было так радостно смотреть на нее, словно солнце светило ему в душу. Он снова взялся за корчагу, и на этот раз девушка отдала ее без сопротивления. Вышеслав поставил корчагу возле ног и улыбнулся, разгибаясь, – теперь-то не убежит.

– Нету у меня ни невесты, ни сестры, а мать... мать есть, да не знаю, какого еще слова дождусь от нее! – вдруг с горечью закончил Вышеслав. Ни с кем он не говорил об этом, но этой девушке, к его собственному удивлению, захотелось доверить все.

– Ласковых речей я не знаю, а хочешь, я тебе заговор скажу? – предложила она. – Вот слушай: «Была я поутру в чистом поле, на зелену лугу, а во зелену лугу есть зелия могучие, а в них сила видима-невидима. Сорвала я три былинки: белую, черную, красную...»

С этими словами она подняла руку, вытащила засунутую стебельком за ленту на виске белую головку каши, приувядшую за день, и подала Вышеславу. Вместе с цветком он хотел взять и ее руку, но девушка улыбнулась и отняла у него свои тонкие пальцы.

– «...Красная былинка принесет тебе меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка отопрет тул с каленой стрелой, – нараспев продолжала она, и слова воинского заговора оплетали сердце Вышеслава крепче самой умелой любовной ворожбы. – С тем мечом отобьешь силу чудскую, с той уздечкой укротишь коня ярого, с каленой стрелой разобьешь врага лютого. Заговариваю я ратного человека...» Как тебя звать?

– Вышеслав, – не подумав, ответил он и тут же спохватился.

Но поздно – девушка услышала. Звучное княжеское имя обрушилось на нее, как удар, она отшатнулась, на лице ее мгновенно появились растерянность и даже испуг. Она была не готова к тому, что случайно встреченный во дворе парень из киевской рати окажется сыном самого князя, старшим княжичем! Смущенным взглядом она скользила по правильным чертам его лица, по светло-серебристым волосам с красивыми кудряшками на концах, голубым глазам и удивлялась, что не догадалась сразу, – ведь ей рассказывали про него!

– Вышеслав... – оторопело повторила она. – Владимирович...

Верно, он, иначе откуда бы у такого молодого пояс весь в серебре, гривна на шее и сапоги в будний день из красного сафьяна... Любая дурочка догадается!

– Да, так чего ты? Не бойся ты меня! – Вышеслав улыбнулся, желая ее подбодрить, и хотел взять за руку. Но девушка отшатнулась, как от огня, вскинула рукав к лицу.

– Ой, Мати Макоше! Хлина-богиня! – шептала она.

Вышеслав отметил краешком сознания, что она поминает варяжскую богиню-охранительницу Хлину, и удивился, но сейчас ему было некогда думать об этом.

– Да что же ты? – в досаде воскликнул он. – Что за беда такая? Ежели я княжич, так что, зверь лесной? Укушу?

Вышеслав протянул к ней руки, но девушка вдруг, словно опомнившись, повернулась и бросилась бежать, мгновенно смешалась с толпой суетящейся челяди и исчезла где-то между клетями. Вышеслав шагнул было за ней, но остановился. Что толку гнаться, если она и разговаривать не хочет?

«Вот, батюшкина слава! – с досадой подумал он и сплюнул на землю. Впервые в жизни ему пришлось пожалеть о том, что он доводится родным сыном князю Владимиру и наследует как его добрую, так и дурную славу. – Вроде не кривой, не рябой, а девки пуще огня бояться!»

Махнув рукой, Вышеслав повернулся и хотел идти назад к крыльцу. За воротами послышался дробный топот, громко раздающийся по бревенчатой мостовой. Еще какой-то боярин, боясь опоздать в поход, мчался к князю. Видно, к меду и пиву боится не поспеть, – а как до похода дело дойдет, всех ли соберешь?

Но во двор въехали всего три всадника. Кони их едва держались на ногах, на плащах и сапогах осела густая, тяжелая пыль. Глянув на того, что первым соскочил с седла, Вышеслав насторожился, забыл даже о девушке. Этого гридя он знал – тот служил в дружине Путяты, оставшегося посадником в Киеве на время отсутствия князя. Неспроста он появился здесь, в Новгороде, на другом конце Русской земли. Бросив коня, ни на кого не глядя, киевлянин устремился к крыльцу. Вышеслав поспешил за ним.

В гриднице было так же душно и шумно, раздавались полные хмельной удали заверения в верности, висели запахи жареного мяса и пива. Киевлянин, расталкивая всех, пробрался вперед, оставляя следы дорожной пыли со своего плаща на одежде княжеских гостей. Все оборо-

чивались, бранились, пытались отвечать ему на толчки, но он ни на что не обращал внимания, пробиваясь к высокому княжескому столу, где сидел сам Владимир.

Лицо князя порозовело от выпитого меда, в руке был большой заздравный рог, окованный позолоченным серебром. Но хмель над ним не имел большой власти – глаза его смотрели ясно. Он еще от порога палаты приметил Путятиного отрока, и между бровей его появилась тревожная морщинка.

– К тебе я, княже, от Путяты! – выдохнул киевлянин, кланяясь возле самых ступенек княжеского стола. – С вестью!

– погоди, сокол, выпей сперва! – остановил его Владимир, и отрок мгновенно подал киевлянину чашу с пивом. – Сколько ты с вестью скачал – успеешь рассказать.

Киевлянин благодарно кивнул и взял чашу, поднес ее ко рту. Другой рукой он в это время шарил у себя на шее, под воротом рубахи. Разыскав ремешок под плащом и рубахой, он вытащил кожаный мешочек, стянул его через голову, отставил опустевшую чашу и протянул мешочек князю.

– От Путяты – тебе.

Князь взял мешочек и принялся его развязывать, а киевлянин оглянулся на отрока – тот уже снова налил ему пива. Князь вынул скрученный свиточек бересты не больше пальца, осторожно развернул его, поднес к свету и стал разбирать, хмуря брови, неровно процарапанные буквы.

«От Путяты-посадника – князю Владимиру, – не прочитал, а скорее узнал он первую строчку, выведенную знакомой рукой Путятиного ларника, и поспешно скользнул взглядом к следующей. – Как ты ушел с войском, на десятый день пришли печенеги ордой неисчислимой и Белгород обложили, хотят измором брать. Белгородцы тебе бьют челом, помощи просят».

На этом послание кончалось – Путята не просил князя возвращаться и не спрашивал, что делать. Оба они одинаково хорошо знали свои ратные дела. Владимир Святославич опустил руку с зажатой в кулаке свернувшейся берестой. Еще бы белгородцам не просить помощи – две трети белгородской дружины пришли с ним сюда. Лучшие полки Киева, Переяславля, Чернигова, Овруча он увел на чужд. И случилось то, чего он боялся, – печенеги узнали о его уходе и решили воспользоваться беззащитностью Киевщины. Но и поступить иначе Владимир не мог – ему как воздух нужна была чудская дань, чтобы появились средства строить сторожевые города в той же Киевщине, снаряжать и содержать многочисленные дружины. Он уводил оттуда рати, прекрасно сознавая опасность, но другого выхода у него не было.

Гридница затихла. Сначала киевляне, внимательно следившие за своим Солнышком, а потом и словены заметили, как с лица князя исчезло веселье. Услышав тишину, Владимир выпрямился и крепче сжал бересту в руке, так что высохшие острые краешки впились в ладонь.

– Братя и дружина! – заговорил Владимир, и голос его звучал ясно и твердо. – Много врагов у нас, что с полуночи, что с полудня. Узнали печенеги, что я с войском здесь, и обложили Белгород осадой. Люд белгородский и киевский подмоги просит.

По гриднице прокатился гул, отроки из белгородской дружины вскочили с мест. Они-то хорошо знали, о чем говорит князь, и каждый подумал о своей семье, которой грозит опасность – смерть или рабство. А они, мужья, отцы и защитники, слишком далеко и не могут помочь.

– Что скажете, други мои и воеводы? – спросил князь, уже зная, чего хочет он сам. – Покинем ли город-щит киевский? Покинем ли мать городов на разоренье?

Первыми заговорили воеводы, потом закричали и простые отроки из дружин нижних земель: защитить родную землю было важнее, чем покорить чужую. Только Ратибор молчал.

– А ты что скажешь? – Владимир повернулся к своему первому советчику.

– Я вот что скажу, хоть и не всем по нраву, – решительно заговорил воевода. – Князь с войском – не заяц, чтоб туда-сюда бегать. Мы на чужд не первый год собираемся и не первый раз идем. В прошлом году ходили, да дело не доделали. В этот пришли – коли опять ни с чем

уйдем, так над нами в лесу последний чужин смеяться будет. Дескать, князь Киевский только на словах грозен, а на деле горазд за столом с пирогами воевать.

Люди в гриднице возмущенно гудели, но Владимир молчал, и Ратибор продолжал, не обращая внимания на общее недовольство. Немного находилось людей, способных говорить против всей дружины, но Ратибор был из них. Без него и Владимир, может быть, никогда не стал бы киевским князем.

– Стены у Белгорода высокие да крепкие – птица не всякая перелетит, а стрела и подавно, – продолжал воевода. – И у Киева стены не хуже. Пусть печенегы стоят, сами же раньше уморятся. А мы сейчас всей силой чужь разобьем и тогда уж вернемся, как надо по орде ударим. Тогда они и дорогу к нам позабудут.

Тряхнув кулаком, Ратибор опустил на место – он свое сказал. Сын его, Ведислав, сидевший за столом с Владимировыми детскими, побледнел после отцовской речи, хотя внешне остался невозмутим. В белгородской дружине служил его побратим, а в Киеве остались мать и молодая жена, которой за время этого похода как раз подходил срок родить. И в мирное время тяжело оставить семью в такую пору. А знать, что им грозит печенежский набег, – нет хуже. Но Ведислав молчал – по большому счету он признавал правоту отца. Вступая в дружину, человек быстро приучался ставить дружинные и княжьи дела выше своих родовых, ибо князь теперь был его отцом, а дружина – братьями и родом. Кто так не мог, здесь не задерживался.

– Выслушал я вас, други мои, – заговорил Владимир, немного выждав. – И вот что мне думается. И вы правы, и Ратибор прав. И Киевщину без помощи оставить нельзя, и в чужие дело оставить недоконченное зазорно. Потому надлежит нам одною частью дружины назад, на печенегов, воротиться, а смоленские и новгородские рати на чужь пойдут. И вместо себя оставляю я в Новгороде княжить сына моего – Вышеслава. Ему я доверяю быть сему походу главою. Говорите, мужи новгородские, люб ли вам князь Вышеслав?

В гриднице ненадолго повисла тишина. Вышеслав, потрясенный не меньше других, шагнул вперед от порога, где стоял, войдя вслед за Путятиным посланцем. Многие десятки глаз устремились к нему, а он побледнел, глубоко дыша, взволнованный таким неожиданным поворотом. Для него не было тайной, что после смерти Добрыни Новгороду нужен новый посадник, а может, и князь. Как старший сын Владимира он понимал, что новгородский стол должен достаться ему. Но прямо сейчас, и так неожиданно!

– Нам люб твой старший сын, княже, – заговорил самый родовитый из новгородцев, боярин Столпосвет. – Да мы сами не можем дело решить. Надобно вече созывать и у всего люда новгородского спрашивать. А мы свое слово скажем. Нам князь Вышеслав люб.

Опомнившись, новгородцы одобрительно загудели. Молодой, удалый княжич Вышеслав нравился им еще и тем, что после сурового и властного Добрыни новгородская знать надеялась при нем получить гораздо больше воли. Вышеслав перевел дух, обрадовался – все-таки зваться князем и быть самому себе хозяином не в пример веселее, чем жить при отце. Он ведь уже не дитя!

Повернув голову, он нашел взглядом мать, сидевшую рядом с князем. Лицо княгини Малфриды оставалось спокойным и величавым, и Вышеслав не понял, довольна она или нет. Поймав его взгляд, княгиня чуть-чуть улыбнулась и слегка наклонила голову. Вышеслав хотел улыбнуться ей в ответ, и вдруг его словно обожгло что-то. Двоюродный родич, Коснятин Добрынич, смотрел на него с такой ненавистью, что Вышеслав был поражен его взглядом, как громом. «За что? Что я ему сделал?» – изумился он. За проведенное в Новгороде время Вышеслав не только не успел поссориться, но даже толком поговорить со старшим сыном Добрыни. Посмотрев на мать, он заметил, что лицо ее посуровело и замкнулось, – она тоже глядела на Коснятина. И Вышеслав понял: тот унаследовал властолюбие отца и сам метил на место посадника. И он мог бы его получить как родич князя и сын прежнего посадника, не будь у Владимира столько сыновей.

– А нам не нужно никого спрашивать! – среди возбужденного гудения гридницы раздался громкий, уверенный голос.

Произносящий слова на варяжский лад сотник княгининой дружины Ингольв Трудный Гость встал и поднял рог с медом. Высокий, широкоплечий, он казался живым воплощением уверенности и силы. На груди его блестела витая серебряная гривна, длинные светлые волосы были зачесаны назад, за уши, а лоб украшала шелковая лента с полоской золотой парчи. Вышеслав уже знал, что этот человек, сидящий на таком высоком месте, служит главной опорой княгини Малфриды.

– Все мои люди сейчас же готовы дать клятву верности сыну Вальдамара и Мальфрид, потомку русских и свейских князей! Пусть все боги и единый Бог будут послухи нашей клятвы! – громко продолжал Ингольв. – Как мы служили твоему отцу, так мы будем служить и тебе, конунг Висислейв! Я говорю это от имени всех северных людей!

И вся варяжская дружина княгини Малфриды как один человек в ответ на слова своего предводителя ударила чашами по столу – в застолье это заменяло принятый у них звон оружия, служивший знаком согласия.

– Да славен будет князь Вышеслав! Конунг Висислейв! – на разные голоса кричали они.

Княгиня улыбалась, довольная честью, которую оказывают ее сыну. Вот и она наконец дождалась дня, о котором столько мечтала, живя в Новгороде без мужа и сына, брошенная, забытая. Эти дни миновали, теперь она не одна из прежних княжеских жен – она мать конунга.

Вышеславу было приятно впервые в жизни слушать княжескую славу себе. Он поднял голову, расправил плечи, дышал глубоко, на щеках его загорелся румянец. Только память о ненавидящем взгляде Коснятина покалывала в глубине души, но сейчас он не хотел об этом думать. Впереди его ждал княжеский стол и первый самостоятельный поход – на чужд.

Глава 1

Ветер гнал по поверхности Волхова мелкую рябь, похожую на чешую, – так и казалось, что огромный змей, медленно извиваясь, ползет на полуночь меж зеленых холмистых берегов. Это и есть тот самый Ящер, которому веками поклоняются словены. Он лежит глубоко на дне, но придет час его гнева – и он взметнется на поверхность, мутя и взрывая воды реки, требуя жертвы...

Весь длинный пологий берег Гостиного Поля был усеян приставшими ладьями, дальние даже не удавалось рассмотреть. В стороне от воды блестели неяркие огоньки костров, поднимались дымки, ветерок тянул запахи рыбных похлебок и каши. Здесь обязательно останавливались все ладьи, шедшие вверх по Волхову – в Новгород и вниз, в Ладогу. Пока хозяева занимались делами, их гребцы и дружины отдыхали, ели, иные уже спали прямо на земле возле костров.

Загляда вздохнула, подумав, что здесь им не миновать остановки, и надолго. Пока найдут порожского кормщика и сговорятся об уплате, пока он соберет свою дружину, пока мытник осмотрит обе ладьи и возьмет что положено, как бы темнеть не начало. Купеческая дочь, она слишком хорошо знала весь установленный порядок, чтобы надеяться быстро пройти Гостиное Поле. Но двум ладьям Милуты было бы слишком досадно ночевать здесь, когда до дома оставалось всего ничего, почти рукой подать. Загляде казалось, что сам Волхов остановился и несет их еле-еле, а ей хотелось скорее домой, в Ладогу! Никогда раньше она не отлучалась от своих чуров так далеко, и двухмесячное путешествие в Новгород показалось ей слишком долгим и утомительным. Предстояла последняя стоянка, у Гостиного Поля, и Загляда с удовольствием думала о том, что следующую ночь она наконец-то проведет дома, а не в чужой клетке, не на дне струга и не на жесткой кошме возле костра.

– Вон туда! Через три ладьи пустое место есть! – Стоявший на носу струга Спех махнул рукой. – Вон, вон, где с конской головой!

– Да вижу, вижу! – Милута кивнул и обернулся к кормчему: – Давай туда. Ежели потеснимся, то и вдвоем встанем. Эко сколько народу собралось!

Оба ладожских струга причалили, гребцы привязали канаты к стойкам, вбитым в берег. Проголодавшийся Спех, не теряя времени, принялся разводить костер. Но хозяин оторвал его от этого многообещающего занятия и послал в городище искать порожского кормщика.

– Да хоть поедим сперва! – обиженно ворчал парень. В отличие от хозяйской дочери он вовсе не спешил домой. – Сам кормщик, поди, за столом сидит!

– Покуда дойдешь, он как раз встанет! – по-хозяйски заверил его Милута. – Ступай да скажи, чтоб сюда шел. Нам тянуть нечего, ночевать дома будем. А за кашей Загляда присмотрит!

Успокоенный этим обещанием, парень пошел искать лодку для переправы на тот берег, где стояло городище Порог. Загляда слезла с бочки, на которой сидела во время плавания, и позвала холопа, чтоб перенес на берег. Вода в Волхове была прохладна, и ей не хотелось мочить ног.

Пока она хлопотала возле железного котла, из городища явился мытник. Порожский мытник Прелеп хорошо знал Милуту, уже много лет ходившего с товарами мимо Гостиного Поля вверх и вниз по Волхову, и с делом покончил быстро – переглядел весь товар, помечая пислом на берестяном свитке, высчитал, сколько мыта нужно взять, старательно взвесил серебро на бронзовых весах. Растолченный ячмень еще побулькивал в котле, а купец и мытник уже покончили с делами и теперь беседовали.

– Как там в Новгороде дела? – расспрашивал Прелеп. – Князя-то не видали?

– Видали и князя, – спокойно, с видом человека, которого ничем не удивишь, отвечал Милута. – Мы же у Недремана стояли. Не помнишь Недремана? Мы с ним одной дружиной, бывало, хаживали, покуда он не разорился на варягах проклятых и Добрыне не запродался.

– Да, вот судьба злая! – Мытник согласно закивал. – Жил человек, не тужил, а тут разом и ладьи, и товара лишился, да и сам едва неволи миновал.

– Вот, так теперь он на новгородском княжьем дворе в ключниках и нас на постой пускает по старой дружбе. И видали мы князя, и говорили с ним. Ничего, больше положенного не заносится, уважает.

– Да уж не ему заноситься! – Мытник насмешливо прищурился. – Родом-то он, говорят...

– Да ладно тебе, дядька Прелеп, род его считать! – вмешалась Загляда, вынув из котла ложку. Разговор отца и мытника занимал ее больше, чем хотелось показать, и тут она не сумела смолчать. – Не по роду надо смотреть, а по делам! А делами он рода отцовского не посрамил! Ведь он словенского, Гостомыслова рода!

Мытник с некоторым удивлением выслушал ее горячую речь, а Милута усмехнулся, провел рукой по усам.

– Дочь-то моя! – обратился он к мытнику, не зная, говорить ли. Однако дружба к давнему знакомцу победила, и купец продолжил: – Дочь-то моя в Новгороде часа не упустила, с самим княжичем дружбу свела!

– Да ну тебе, батюшка! – смущенно и обиженно воскликнула Загляда, и щеки ее зарозовели ярче. – Всего-то раз поговорила... И я не хотела вовсе, он сам подошел!

– Что за княжич-то? – удивленно спрашивал Прелеп, поглядывая то на девушку, то на Милуту.

– Да старший, Вышеслав. Молодец хоть куда, девятнадцатый год идет. И собой хорош, и удал! – смеялся Милута.

Смущенная Загляда бросила ложку на камень возле костра и убежала к ладьям, встала на плоский валун и принялась полоскать ладони в воде, не оглядываясь.

– Правда ли, что он на чужд походом идет? – снова стал расспрашивать Милуту мытник.

– Хотел идти, да, знать, не судьба. Гонец к нему с Днепра прискакал, из самого Киева. Сказал, пока князь здесь, на Киевщину печенегі пришли и Белгород обложили, измором хотят брать. А от Белгорода до Киева всего ничего, едва двадцать верст!

– Вот напасть! – Мытник сочувственно покачал головой, а потом вздохнул с тайным облегчением. Этой-то напасти, печенегов, о которых столько говорят киевские, черниговские, переяславльские торговые гости, словены не знают. Слава Велесу!

– Да и нам напастей не занимать! – К ним подошел старый Осеня, давний товарищ и спутник Милуты. Он уже был сед и ходил, опираясь на клюку, но бросать дела и садиться дома возле печи не собирался. Да и скучал он дома – не ждали его возле очага ни жена, ни дети, ни внуки. – Как тут у нас-то, про Ерика не слышно ли новых вестей?

– А вы бодрических гостей слыхали? Вермунда Велиградского? Возле Гот-острова опять видали Ерика. Вермунд сам, как до Ладоги целый добрался, так не знал, какому богу скотину резать.

– Неужто в прошлый год не нагабился? – Осеня гневно мотнул седой головой и стукнул концом клюки в прибрежный песок. – Хоть бы князь тамошний взялся, унял его. А то какой же дурак через море пойдет, чтоб и без товара, и без головы остаться! Или ему от этого выгода?

– Вон Спех возвращается, – подала голос Загляда, заметив на Волхове маленькую лодочку-долбенку, плывшую к корабельной стоянке от городища.

Греб в ней рослый, широкоплечий парень в серой рубахе, с ремешком на темно-русых волосах. За спиной его пристроилась, крепко вцепившись в борта долбенки, растрепанная девчонка лет двенадцати. Сам Спех, в белой рубахе с красным поясом, похожий на петуха на заборе, сидел на носу и показывал вперед, словно без него не догадались бы, куда плыть.

Порожский парень старательно налегал на весла, мышцы спины напрягались под серым холстом рубашки. Спокойный и ровный на вид, Волхов в нижнем течении был очень силен и мог далеко снести легкую лодочку.

– А чего ты девку-то с собой в Новгород поташил? – понизив голос, спросил мытник у Милуты и глазами показал на Загляду. – Я вас, как туда-то плыли, не видал, а мне уж сын сказал, что и девку твою на ладье видел. Я сам не поверил, думал, привиделось парню.

Милута вздохнул, погладил густую рыжеватую бороду.

– Да ведь я в начале весны жену схоронил, – выговорил он наконец, и мытник снова закивал, выражая сочувствие, – а боле-то у меня из родни никого нету. Не хотел дочку одну бросать. Взял вот до Новгорода – дорога невелика, может, развеется. А то все плакала, плакала...

– Развеется, как же не развеяться, – доброжелательно заверил мытник, снова поглядев на девушку. – Да ведь ей замуж пора – отдашь, вот и развеется. Внучков понянчишь... Присмотрел, поди, уже кого?

Загляда тем временем сменила гнев на милость, вернулась к костру и сосредоточенно дула на деревянную ложку, зачерпнув каши из котла. От близости огня ее щеки ярко румянились, русая коса золотисто поблескивала. Она казалась спокойной и свежей, как и положено быть девице шестнадцати лет, дочери состоятельного торгового человека, не знающей ни в чем нужды.

Тем временем Спех со своими спутниками выбрался из долбленки на берег.

– Нашел я кормщика! – подходя, бодро закричал парень еще издалека. – Ты, батюшка, как в воду глядел – как раз из-за стола встали!

– Эк он тебя батюшкой величает! – Мытник усмехнулся и, подмигнув Милуте, вопросительно кивнул на Загляду.

– Кот-Баюн ему батюшка! – Милута в негодовании отмахнулся, но сам не сдержал усмешки. – Его бы заставить языком грести – ладья бы быстрее ветра побежала!

Спеха прозвали Спехом за неизменное везение, сопутствующее с колыбели все семнадцать лет его жизни. «Коли упадет, так на мягкое! – приговаривала его мать. – Ему бы лени поменее, так ладно бы жизнь прожил. А ведь не мыслит, что удача-то – одно дело, а счастье – иное!» Но Спех не слушал попреков и верил в свою добрую судьбу. Мать Макошь сотворила его невысоким, но надела широким грудью, крепкой шеей и сильными руками. Черты его лица были нерезкими, мягкий нос покрывали золотистые веснушки, между нижней губой и округлым подбородком виднелась ямочка. Светло-рыжие, как жидкий мед, волосы рассыпались по лбу, а серо-желтоватые глаза блестели живо и весело. Нрав у него был живой, любопытный, легкомысленный, но честностью и преданностью парень заслужил доверие хозяина.

Плечистый парень-кормщик подошел к Милуте, а Спех направился прямо к Загляде.

– Готова каша? – деловито спросил он, вытаскивая из-за оборов деревянную ложку, завернутую в серую холстинку.

– Не лезь, не готова еще! – Загляда замахнулась на него своей ложкой, и Спех отпрянул от котла, в который уже было сунулся. – Потерпишь!

Ловко уклонившись, Спех принялся размашисто вытирать лицо рукавом.

– Ух, чуть не весь город обегал, куда кормщика сыскал! – пожаловался он хозяйской дочери, преувеличенно тяжело дыша. – Ух, и уморился – чуть жив! Не веришь? – обиженно спросил он, увидев улыбку на лице Загляды. Прочие Милутины спутники, сидевшие вокруг костра в ожидании каши, тоже заулыбались.

Девушка покачала головой. Она знала, что Спех – великий искусник притворяться, но не могла сдержать улыбки в ожидании чего-то забавного.

– А и городишко-то махонький! – вдруг с легкостью сознался Спех и стал дышать обыкновенно. – Всего-то три улочки, да и те... У нас в Полоцке один гончарный конец и то больше!

– А ты уже и по дому стосковался? – с насмешкой спросила Загляда, прекрасно знавшая, что уж кто-кто, а Спех ничего важного дома не забыл.

– Ой, стосковался! – закрыв глаза, страдальчески затянул Спех. – Вот как сплю, так и вижу: сижу я за кругом да горшок верчу, такой большой-большой, а братец глину месит. А батя еще волокушу волокет да ласково так приговаривает: «Работайте лучше, суслики ленивые, кормить не буду!»

Загляда фыркнула, прикусила губу, но все же не выдержала и рассмеялась, представляя этот домашний уют, от которого Спех сбежал в дружину ее отца. Спех пристал к Милуте в его прошлогоднюю полоцкую поездку и до сих пор отчаянно смешил Загляду своим кривичским выговором. Гончар легко отпустил сына, «потому как дома от него толку нет, только и знает, что языком трепать».

Девчонка, прибежавшая из городища с кормщиком, подобралась к ним поближе и с любопытством слушала их разговор. Загляда заметила ее и призывно махнула ложкой:

– Поди сюда! Ты чья будешь?

– Я Веретенева! – Без робости подойдя, девочка показала на кормщика, который в стороне разговаривал с Милутой. – Сестра я ему. Меня Лаской звать. Я с вами через пороги пойду. Я тоже все пороги знаю, и какие ладьи бывают, и как они плавают!

– Да ну! – насмешливо воскликнул Спех. – Как же ты такой премудрости научилась?

– А я, с тех пор как маманя с батяней померли, всегда с Веретенем хожу, – просто объяснила девочка. – Он меня одну дома бросать боится, как через пороги ходит, так и берет с собой.

Глаза Загляды налились слезами: слова девочки о смерти родителей разбудили ее собственное, едва задремавшее некрепким чутким сном горе.

– А вот сейчас и проверим! – поспешно заявил Спех, торопясь отвлечь ее, и указал на реку. – Вон там что за ладья пошла? Нас не проведешь, на хромой козе не объедешь, мы сами с усами!

– Да где же у вас усы? – Давясь от смеха, девчонка смотрела то на Загляду, то на Спеха, а потом повернулась к реке.

Одна из ладей, стоявшая ниже их по кромке Гостиного Поля, отделилась от берега, и десять пар весел стали выгребать на середину Волхова.

– Варяги, – определила Ласка, бросив быстрый взгляд на ладью. – А струг у них ладожской работы, новый совсем. Они снизу пришли. Я их у мытника двора видала только что.

– Еще бы не ладожской работы! – изменившимся голосом, в котором звучали слезы, но твердо решив не дать им воли, отозвалась Загляда. – Это же Тормод струг делал. Вон и змеюги его любимые на носу. На штевне! – поправила она.

– Вот! – Спех с гордым видом поднял палец, повернувшись к Ласке. – Мы не хуже тебя, и корабельщика знаем!

– Да оставь дитя в покое! – Загляда дернула его за рукав. – Нашел с кем тягаться. У нас на дворе тот корабельщик живет, потому мы его работу и знаем, – объяснила она девочке.

Ладья тем временем вышла на середину Волхова и направилась вверх по течению. Гребцов на ней находилось десятка два, на носу сидели три хорошо одетых светлородых человека в коротких плащах, застегнутых бронзовыми запонами на груди. Между скамьями громоздилась гора пухлых мешков, на кольца из ивовых прутьев были нанизаны сотни кунных и беличьих шкурок, в середине стояли бочки.

Вдруг на корме ладьи началось движение, куча мешков зашевелилась и из-под нее выбрался человек. Рывком разъединив скрученные за спиной руки и отбросив остатки веревок, он попытался вскарабкаться на борт струга. Светлородые хозяева вскрикнули и вскочили на ноги, ближние к корме гребцы бросили весла и кинулись к нему. А тот отшвырнул мешавшие ему мешки, переметнулся через борт и прыгнул в воду. Но прыжок вышел неудач-

ным: беглец ударился головой о неведомо откуда всплывшую корягу и с громким всплеском скрылся под водой.

Течение заворачивало нос варяжской ладьи, сносило ее снова вниз. Гребцы ухватились за весла и стали подгребать к берегу. Хозяева собрались на корме и вглядывались в воду, обмениваясь непонятными восклицаниями. На берегу тоже заметили происшествие. Путники и жители городища с разных сторон сбегались к воде. Загляда ахнула и вскочила, подалась ближе, тревожно сжимая руки и не сводя глаз с воды. Ласка рядом с ней подпрыгивала, словно так ей было лучше видно. Но поверхность воды уже успокоилась, ничего не удавалось разглядеть.

– Не выныривает, боже Перуне, ведь потонет! – обеспокоенно воскликнул Спех. Скинув поршни, он вбежал в воду и поплыл к середине.

– Ой, Мати Макоши, смилуйся, помоги! Волхов-батюшка, пожалей, отдай назад! – бормотала Загляда, с тревогой наблюдая, как Спех быстро плывет к тому месту, где скрылся под водой беглец с варяжской ладьи.

Корягу тоже медленно сносило течением. Спех удачно избежал встречи с ней и нырнул. Через какое-то время он появился на поверхности, жадно вдохнул и снова исчез. Казалось, что его не было очень долго. Рыбаки уже толкали в воду несколько челноков, кто-то греб к середине, выискивая в гладкой серо-голубой воде медленно текущего Волхова одну или другую светловолосую голову.

– Как бы тоже не потонул! – воскликнула Ласка, с горящими от любопытства глазами наблюдавшая за рекой. – Там Ящер живет огромный, заглотит он их обоих!

– Язык придержи – накличешь беду! – сурово прикрикнул на нее брат.

– Не потонет! – уверенно возразил Милута. – Спех в воде не тонет, в огне не горит – его судьба бережет.

И правда, вскоре Спех вынырнул снова и поплыл к берегу. Рядом с ним виднелась голова спасенного. Греб он одной рукой, а другой держал за волосы свою добычу.

Сбежавшиеся к берегу люди помогли им выбраться на песок. Бесчувственного беглеца пришлось нести на руках. Пока его пытались привести в себя, Спех тяжело сел на мокрый песок и, потряхивая головой, стал отжимать волосы. Загляда подбежала к нему.

– Водяной меня за ноги хватал! – объявил Спех, едва отдышавшись настолько, что смог говорить. – Вишь, нырнул я, а там на дне водяной сидит, сам весь зеленый и в чешуе, глаза как у щуки и этого за шею держит. Я говорю – отдай, а он мне – нет, говорит, он мне будет на обед, а ты – на ужин...

– Да ты молодец, где водяному с тобой справиться! – воскликнула Загляда, привыкшая к тому, что Спех жить не может без баек и басен. – А его-то водяной не придушил?

– Да что же я, зря купался? – возмутился Спех. С недовольством оглядев запачканные песком и тиной рубаху и порты, он сплюнул и проворчал: – Хоть поршни уберег...

– Пойдем хоть глянем, как он там.

– Пойдем, – согласился Спех и встал. Вода текла с него ручьями. – Мне уж и самому любопытно, кого это я у водяного отобрал?

Они подошли туда, где в окружении гребцов и местных рыбаков лежал на земле беглец с варяжской ладьи. Могучий кормщик, брат Ласки, привычно опрокинул его животом себе на согнутое колено и выгонял воду, которой беглец успел наглотаться. Покончив с этим, он положил беглеца на землю. Встав на колени, мытник прижался ухом к его груди.

– Живой! – с удовлетворением объявил Прелеп и выпрямился. – Стучит!

– А чего он глаз-то не открывает? – спросила любопытная Ласка.

– Головой о корягу стукнулся. Кабы не ваш Кот-Баюн, кормить бы ему рыб...

– А чего он прыгнул-то? – спросил кто-то.

– Где ладья-то?

– Беглый, что ли...

Милута обернулся к реке. Варяжский струг подошел к берегу, люди на нем столпились у носа, пытаясь разглядеть, что происходит. Двое гребцов и один из хозяев, толстяк в коротком буром плаще, уже прыгнули на песок.

– Ваш парень? – закричал им Милута.

– Это есть наш человек! – ответил ему варяг, выговаривая русские слова неправильно, но понятно. – Мы возьмем!

– А чего он прыгал-то? – спрашивали любопытные на берегу.

– А какой же он ваш, когда он чудин? – спросил мытник, еще раз оглядев спасенного. – Где вы его взяли-то?

Варяг остановился на мокром песке возле воды. Оставшийся на ладье товарищ окликнул его и сказал что-то, и между ними вспыхнул оживленный спор. Загляда хорошо понимала по-варяжски, но по долетавшим обрывкам не могла уловить смысл спора. А он продолжался недолго. Варяг запрыгнул обратно на борт, гребцы оттолкнули струг от берега, взобрались на него сами, и два десятка весел дружными ударами погнали ладью вверх по Волхову прочь от стоянки Гостиного Поля.

– Уходят, что ли? – удивлялись люди на берегу. – Передумали брать?

– Думают, совсем утоп, а хоронить лень.

– Да чего же, он ведь живой.

Спех пошел искать себе сухую рубаху, а Загляда пробралась поближе к беглецу. Это оказался молодой парень, на пару лет старше Спеха, высокий, худощавый, с потемневшими и слипшимися от речной воды волосами. Глаза его были закрыты, но тяжелые веки, выступающие скулы, мягкие черты продолговатого лица показывали, что в нем течет неславянская кровь. Одежду его составляли кожаные штаны и полотняная рубаха, украшенная по вороту, плечам и подолу тесьмой, хитро сплетенной из бронзовой проволоки. Боковые швы, не зашитые до конца, сразу обличали чуждую работу. Бронзовый же браслет стягивал левый рукав рубахи, а с правого, видно, потерялся. Ни плаща, ни пояса не имелось, ворот рубахи был надорван. На лбу парня под мокрыми прядями волос краснела свежая ссадина. На запястьях виднелись следы от тугих веревок, а на одной руке еще болталась петля с разлохмаченным концом, как видно, перетертым обо что-то железное.

– Чего же теперь делать? – озабоченно спросил Прелеп. – Ведь так не бросишь, а мне недосуг с ним нянчиться. Вот что, берите-ка вы его с собой, гости дорогие, – обратился он к Милуте. – Вы его выловили, он теперь ваш.

– Да куда мне его? – недоуменно воскликнул Милута. – И своих забот довольно!

– Батюшко, возьмем! – принялась упрашивать отца Загляда. – Доведем его до Ладogi, его ведь оттуда и везли. А после в себя придет да сам расскажет, откуда и кто. Не бросать же его здесь, пропадет!

– Вот еще печаль! Ведь он беглый! – принялся вразумлять ее отец. – Засудят нас еще за него!

– Как засудят-то? Мы его не украли, он сам выпрыгнул, а варяги отказались от него. Вон, люди видели! – Загляда показала на мытника. – Хозяева его видели, а не взяли, какая тут кража!

– Да он не холоп, – добавил Прелеп. – Одежка на нем не холопья, сам видишь. Одна рубаха чего стоит! Да и не добром он на тот струг попал... Как из битвы!

– Видно, потому и не взяли назад, что забоялись варяги-то! – добавил кормщик. – Просто так от своего челядина не отказались бы, он ведь денег стоит!

Милута в сомнениях качал головой, но все эти доводы только укрепили решимость Загляды взять спасенного с собой. Наконец он вздохнул и сделал знак своим гребцам:

– Несите его на струг, что ли.

Загляда обрадовалась и бросилась устраивать чудину лежанку из сена, пустых мешков и шкур. Чудской беглец вызывал у нее сочувствие и любопытство: ей очень хотелось знать, что с ним случилось, как он попал на варяжский струг, почему был связан? С чудина стянули мокрую рубаху, уложили его поудобнее на дне ладьи. Загляда накрыла его плащом и села рядом, надеясь, что он скоро опомнится.

Тем временем пришла пора двигаться дальше. Последний переход до Ладogi был самым трудным – впереди лежали пороги. Под руководством кормщика наполовину нагруженные ладьи повели вниз, чтобы потом разгрузить у нижней оконечности девятиверстных порогов и пустыми вести снова вверх за оставшимся товаром. Загляда со Спехом и Лаской спустилась вниз берегом и очень переживала за чудина.

– Как его там в ладье-то трясет! – приговаривала девушка, глядя на реку. – И без того ему худо...

– Больно уж ты об нем печешься! – ревниво буркнул Спех. – А я помру – никто и слова не скажет!

– Ты-то? – недоверчиво воскликнула Загляда. – Да нету такой реки, где бы ты утонул!

– Сие верно! – согласился Спех и опять повеселел. – Я его от смерти спас – я ему теперь второй отец!

Рассчитавшись с кормщиком, Милута отпустил его, и он пошел обратно в Порог. С ним ушла домой и Ласка.

– Еще как поплывете, свидимся! – кричала она Загляде издали и махала руками, пока было видно.

Товар снова погрузили на ладьи, Загляда заняла свое место на бочке, возле лежащего на днище ладьи чудина. Спеху, несмотря на все его подвиги, пришлось снова сесть за весло. Плывая по течению, две Милутины ладьи быстро приближались к Ладогe. Завидев наконец знакомые места, Загляда даже забыла о беглеце. словно встретив родичей, радовалась она, глядя на кучки избушек Извоза, – так звали выселки, служившие границей города. А дальше взору открывалось Победище с варяжской крепостью Княщиной, низменное пространство на левом берегу, тесно застроенное домами и домиками, известняковые стены Олегова города на мысу над слиянием Волхова и Ладожки, улицы посада вокруг нее. Сердце радостно билось, в душе поднималась теплая волна: само это место, где жили многие поколения ее предков, согревало Загляду, боги благосклонно взирали на нее с небес, чуры шептали из земли, куда в течение уже двух веков опускался прах ее дедов и прадедов. Широкий синий Волхов, отражавший синеву небес, зелень берегов, белизна облаков, будто отраженная стенами Олеговой крепости, – нет на свете места более прекрасного, и от щемящего сердца счастья на глазах девушки выступили слезы.

До дома Милута со своими спутниками добрался почти в темноте. Пока разгружали товар и разбирали снасти, Загляда вытребовала у отца волокушу и двух помощников, чтобы везти чудина, все еще лежавшего без чувств. Перетаскивая его с ладьи на волокушу, Спех уже вздыхал, чуть ли не жалея, что извлек со дна реки такое беспокойство. А Загляда торопила их, ей очень хотелось скорее оказаться дома.

На дворе Милуты навстречу ей выбежала челядь, старая ключница Зиманя, бывшая когда-то давно Заглядиной нянькой. Среди встречавших мелькала белая голова и борода Тормода, того самого варяжского корабельщика, о котором Загляда говорила Ласке.

– Саглеид! Моя Сильф Биркин! Береза Серебра! – радостно восклицал он по-русски и по-варяжски, чуть ли не силой вырывая девушку из объятий причитавшей Зимани, чтобы прижать ее к своей широкой груди и весьма выпирающему животу. – Ты вернулся уже! Я еще не начал ждать, а ты уже здесь!

От радости он даже немного путал славянские слова, мешал их с варяжскими, хотя за те двадцать лет, что прожил в Ладогe, научился словенскому языку не хуже здешних урожен-

цев. Только легкий иноязычный призыв в речи выдавал заморское происхождение Тормода Исбьерна – Белого Медведя, как его прозвали. Волосы его, когда-то светло-русые, были седые до последнего волоска, круглое лицо обрамляла такая же круглая и совершенно белая, хотя ему едва сравнялось пятьдесят пять лет, борода. Одеждой он не отличался от славян, и только на шее его висел на ремешке бронзовый молоточек – амулет Тора-Громовика, а с ним на одном колечке – распиленный вдоль кабаньих клык с тремя процарапанными рунами. Загляда знала, что там написано «священное слово», приносящее удачу. Только эти два амулета и остались старому корабельщику на память о родине. «Самый большой дар богов – вот! – приговаривал он, показывая свои широкие ладони. – Золото пропадет, меха износятся, а это будет со мной всегда!» И он был прав, считая руки своим главным богатством. Во всей Ладоге едва ли нашелся бы мастер среди славян или скандинавов, умеющий строить корабли лучше Тормода Исбьерна.

– Вернулась, вернулась, живая, здоровая! – скороговоркой восклицала Загляда, разом отвечая на приветствия старухи и корабельщика и смахивая слезы. Потеряв мать, она теперь с особенной остротой ощущала любовь к этим людям, которые тоже – ее семья. – Отец на вымоле еще, скоро будет! И товар привезли, и новости привезли!

– И гест... гость привезли тоже? – Тормод заметил волокушу с лежащим в ней незнакомым парнем. – Это твоя добыча, да? Ты взяла его в битве?

– Это Спех взял! С водяным бился...

Спех, снова загордившись своим подвигом, стал рассказывать, как попал к ним молодой чуждин, а Загляда велела челяди нести его пока что в клеть и уложить там на широкую лавку.

– Я сам пришел сюда, когда был пожар, – заявил Тормод, с любопытством наблюдая, как устроят нового гостя. – Я пришел в твой дом через огонь. А он пришел через воду. Тоже хорошая дорога! – со свойственной ему бодростью закончил варяг.

– Погоди. – Загляда остановила поток его речи, который, как ей было отлично известно, моглиться хоть до утра. – Он вроде в себя приходит.

Не открывая глаз, чуждин морщился от боли, тихо постанывал и бормотал что-то на своем непонятном языке. Загляда пробовала позвать его, но он, видно, еще не опомнился.

– Язык ожил, – заметил Тормод, слушавший бормотание чуждина, озабоченно склонив голову. – А память еще ходит далеко.

Тем временем Милута покончил с переноской товаров, дом наполнился людьми. Зиманя ставила на столы горшки, кринки, раскладывала хлеб, вареную репу, вяленую и соленую рыбу, всякую прочую снедь. На очаге забулькала каша, рядом жарился барашек, которого Милута велел заколоть, не забыв угостить и домового, – в благодарность, что сохранил дом без хозяина и хорошо встретил. Просторная передняя клеть сразу стала казаться тесной, вместе с дымом под крышей висел разноголосый гомон. Осматриваясь, Загляда вздохнула почти счастливо – она снова была дома, все встало на свои места. Только вот матери, Велемилы Добровитовны, мудрой красивой женщины, происходившей от одного из наиболее старинных и прославленных ладожских родов, больше нет здесь и не будет. Благодаря ее приданому и связям Милута когда-то так расторговался, что теперь числился одним из богатейших в Ладогке купцов – сам-то он был из «варягов», как тут по очень старой привычке называли роды, ведущиеся из-за моря, хоть и давно смешавшиеся с местными словенами и чужью.

А теперь у очага хлопочет одна Зиманя, и голоса матери больше не раздастся среди общего гомона. И не будет больше в доме настоящей хозяйки, если отец не решится взять новую жену... Но Загляда сдержала печаль, готовую снова стиснуть ее сердце, не заплакала, а улыбнулась, встретив озабоченный взгляд Тормода. Время идет и собирает свою дань, ничто и никогда не будет так, как прежде. И нечего плакать – надо жить.

В угол, где Загляда сидела возле чуждина, пролез Спех с куском мяса и ломтем хлеба.

– Иди ешь, а то не хватит, – с набитым ртом посоветовал он. – А я покуда за сыночком моим названным пригляжу. И песенку ему спою. У коты ли, у коты колыбелька хороша...

– А-ай... – простонал чудин и снова забормотал что-то. Спех наклонился и прислушался к непонятной речи.

– У него голова болит, а ты пришел стрекотать. Помолчи, сделай милость, дай ему отдохнуть, – попросила Загляда.

– Да тебе самой отдохнуть бы пора. Я и то притомился...

Спех широко зевнул и принялся взбивать охапку свежего сена, готовя себе постель. Покончив с едой, утомленные долгой дорогой люди укладывались спать, и каждый радовался возвращению домой. Зиманя уже не раз кивала Загляде на дверь в сени, откуда лесенка вела в горницы, но девушка все сидела в изголовье чудина, оглядывая с детства до мелочей знакомую клеть. Лучина мигала, но девушка и в темноте угадывала стены из толстых бревен, проконопаченные сухим мхом, полаты наверху. На хозяйском краю длинного стола виднелась процарапанная решетка, на которой еще отец и дед Милуты обсчитывали свои торговые дела. Резные столбы подпирали закопченную кровлю – дом, выстроенный предком Милуты лет восемьдесят назад, еще при Олеге, совмещал в себе словенские и варяжские образцы. Два новых столба поражали искусной резьбой: их поставили тому семь лет вместо подгнивших, и над ними потрудился Тормод, вырезав ленты со звериными лапами и головами чудовищ.

Тормод почему-то тоже не шел спать, а сидел перед затухающей лучиной. Слабые отблески падали на его лицо, на знакомую морщину, шедшую от переносья на лоб, словно торчком стоящее копьё.

– Тормод! Исбьерн! – тихо окликнула его Загляда и пересела поближе к нему. – А у вас-то как дела здесь?

– И здесь есть новости! – охотно отозвался варяг почти шепотом, чтобы никого не будить. – Вчера пришел обоз из Волина. Там почти половина северных людей, и я узнал, что делается в Норэйг¹. А пять дней назад ко мне приходил один русский человек, торговый гость из Сюрнеса². Он и сейчас еще здесь, я не думаю, чтобы он теперь пошел в море. Да, так он рассказал, что Откель Щетина умер на обратном пути на Днепре и погребен возле Сюрнеса... Там много могил северных людей, – помолчав, со вздохом добавил Тормод. Он сожалел и о тех, кто умер так далеко от родины, и о себе, поскольку ему самому, как видно, суждена та же участь. – Оттуда проложена хорошая дорога в Хель. Не хуже, чем в Киев... Да, так это значит, что тот хороший лангскип, который мне заказал Откель, останется без хозяина. Сирота, да, я верно знаю слово?

– Верно! – Загляда улыбнулась, снова услышав знакомое присловье. Прожив среди славян двадцать лет, Тормод все еще сомневался, правильно ли говорит.

– Да! – удовлетворенно продолжал корабельщик. – Откель был хороший человек. Ты же знаешь, Сильф Биркин, мне давно не приходилось делать лангскипов, но клянусь Ньердом и Ран, эти медвежачьи лапы не забыли их!

Тормод поднял руки, крупные и сильные, испещренные многочисленными белыми линиями старых шрамов. А Загляда снова улыбнулась: Тормод упрямо говорил не «медвежьи», а «медвежачьи» лапы. Если же она его поправляла, то норвежец упрямо возражал: «Но ведь говорят – заячьи, беличьи лапы! И медвежачьи! Это ты забыла, Сильф Биркин!» Загляда уже смирилась с этим и сейчас вдруг почувствовала, как сильно соскучилась в Новгороде по Тормоду.

¹ Норэйг – «северный путь», старинное название Норвегии.

² Сюрнес – «Свиной мыс», предположительно, название городища на речке Свинке (Гнездовский комплекс), то есть первоначального Смоленска.

– Жаль, если лангскип пропадет зря! – продолжал он. – Я сделал немало добрых кораблей, но «Медведь»... он для меня как поздний ребенок от любимой жены. Да, это я верно сказал!

Качнув седой головой, Тормод помолчал, вздохнул, посмотрел на Загляду.

– Это потому, Береза Серебра, что ты так часто приходила и смотрела, как я работал. Потому вышло хорошо. Ах, как жаль Откеля! С ним «Медведь» погулял бы по морям! А теперь он стоит в сарае, запертый, как нерадивый холоп, и не знает, в чем провинился! А мне ведь был сон, что у моего нового «Медведя» будет достойный хозяин и стюриман.

– Твои сны всегда сбываются! – Загляда положила руку на «медвежачью лапу» корабельщика. – У «Медведя» будет добрый хозяин. На свете много хороших людей.

– Добрых людей много, но не всем нужен лангскип. Откель хотел иметь боевой корабль, быстрый и ловкий, как змея. Ему не очень-то подходила торговля... И такой корабль я сделал. А другим торговым людям не нужен лангскип, им нужны только кнерры.

– Может быть, князь соберется за море и купит «Медведя». Ты знаешь, в Новгороде теперь новый князь, молодой!

– Конунг? Почему ты так улыбаешься, Сильф Биркин? – Тормод заметил в лице девушки проблеск особенного чувства и наклонился, стараясь в отсветах пламени очага разглядеть получше. – Ты видела конунга? Расскажи мне скорей! Ты знаешь, что твой Белый Медведь под старость стал очень любопытен!

От нетерпения старый норвежец даже потер колени одно об другое. Он всегда отличался любовью к новостям, а во всем, что касалось Загляды, его любопытство было невозможно утолить. Ей и самой хотелось поговорить с кем-нибудь о своем новгородском приключении, но мало кому она доверяла так же, как Тормоду. Перейдя на северный язык, чтобы никто из челяди не понял, Загляда стала рассказывать о встрече с Вышеславом. Тормод жадно ловил каждое слово, выпрашивал о каждой мелочи.

– На другой день вече было, и его все новгородцы князем кликнули, – закончила Загляда. – А завтра мы уже из Новгорода уплыли. Я его больше не видела.

– погоди, я послушаю моего дракона, – попросил Тормод.

Быстро поднявшись, он вышел из клетки. Загляда прошла следом и встала рядом с Тормодом на крыльце. Положив руки на резные перила, Тормод вытянул шею вперед, закрыл глаза и прислушался. Загляда стояла едва дыша и тоже прислушивалась. В тишине заснувшего двора она различила наверху низкий тихий гул. Это гудел ветер в резном штевне, который Тормод снял с одного из старых кораблей и укрепил над крыльцом дома. По гудению ветра он предрекал погоду и даже будущее. Многие посмеивались втихомолку над причудами старого норвежца, но Загляда верила ему.

– Мой дракон говорит вот что, – через некоторое время начал корабельщик, не открывая глаз. – Конунг Висислейв будет здесь. Ты увидишь его снова, и он будет рад вашей встрече. Здесь будет много знатных и могущественных людей, даже правителей разных земель, и все они будут смотреть на тебя и любоваться твоей красотой.

Загляда недоверчиво улыбнулась, едва он начал свою речь, и под конец не сдержала смешка: она вовсе не считала себя такой уж красивой, чтобы ею любовались князья. Да еще и разные – откуда им тут взяться?

Тормод мгновенно открыл глаза и повернулся.

– Ты смеешься, Сильф Биркин! – упрекнул он ее. – А ведь ты сама говорила, что все мои предсказания сбываются. Всеотец наградил меня добрым даром – я предсказываю только доброе. И теперь я предсказываю: конунг будет любить тебя!

Загляда улыбнулась и с благодарностью коснулась руки седого корабельщика. Она не знала, верить ли ей в будущую любовь конунга, но знала точно: едва ли сама она полюбит хоть какого-нибудь молодого и красивого конунга сильнее, чем старого Тормода Белого Медведя.

Проснулась Загляда с мыслями сразу обо всем: о возвращении домой, о Тормоде и его предсказаниях, о беглеце-чудине и даже о том, о ком запретила себе думать, – о князе Выше-славе. То негодуя хмурясь, то улыбаясь, то принимаясь напевать, она быстро натянула платье, обулась, расчесала косу, старательно укладывая волосок к волоску, и поспешила вниз.

Обычно она начинала утро с обхода дома и хлева, но сегодня торопилась в нижнюю клеть – посмотреть на чудина. Печь уже дымила, старая Зиманя варила кашу, уставшие в походе ратники еще спали. Осторожно ступая, стараясь не скрипеть старыми половицами и никого не тревожить, Загляда подошла к чудину и заглянула ему в лицо. За ночь под глазами его налились глубокие темные синяки от удара по голове, но дышал он тихо и ровно. Загляда вздохнула с облегчением: досадно было бы доставать со дна Волхова и везти в такую даль чужого человека, чтобы он умер в доме и потом возвращался вредоносным духом. Но беглец явно не собирался умирать, и Загляда надеялась, что он скоро очнется и расскажет о себе. Волосы его высохли и теперь рассыпались прямыми прядями, совсем светлыми, как сухие стебельки болотного мха. Загляда вспомнила гостя из арабских далеких земель, который заходил к Милуте прошлым летом. Он с изумлением рассказывал, что возле Нево-озера живет племя, в котором все люди седовласы от рождения. Наверное, вот такие светлые головы арабы и приняли за седые...

Загляда осторожно провела рукой по волосам чудина. Между лбом и затылком ее пальцы наткнулись на скрытый под волосами длинный рубец, оставшийся от удара о корягу. Видимо, ее нечаянное прикосновение причинило боль: парень вздрогнул, веки его приоткрылись. Загляда отдернула руку.

– Больно тебе? – покаянно ахнула она. – Ты прости, я нечаянно.

Глаза парня, светло-голубые, почти прозрачные, были бессмысленные, как у новорожденного. Загляда испугалась: да не лишился ли он рассудка от такого сильного удара, не слишком ли долго пробыл под водой, не оставил ли водяному свою память? Что с ним тогда делать?

Схватив ковш с водой, загоя поставленный рядом с лежанкой, она приподняла голову чудина и попыталась его напоить. Ощувив свежую прохладу воды, чудин вдруг вскинул руку к ковшу и жадно рванул ко рту, так что вода пролилась ему на грудь, глотнул, закашлялся, чуть не захлебнувшись. Загляда едва удержала его.

– Да уймись ты, каженник водяной! – в сердцах воскликнула она. – Достанет тебе воды, не отнимут!

Глотнув еще пару раз, чудин потер рукой мокрую грудь, сообразил, что рубахи на нем нет, тряхнул головой и поднял наконец глаза на Загляду. Муть во взоре рассеялась, но на девушку он смотрел с недоумением, словно ему явилась берегиня с птичьим телом и девичьей головой. Взгляд его скользнул по стенам и кровле клетки, светлые брови дрогнули – он не понимал, где и у кого находится. С губ чудина слетело хрипкое восклицание, он попробовал приподняться на локтях, но тут же застонал, сморщился и снова откинулся на сложенные мешки, служившие ему подушкой.

– Не суетись! – успокаивающе сказала ему Загляда. – У тебя в голове такая трещина, что чуть душа наружу не вылетела³. Погоди, я тебе помогу.

Она приподняла парня за плечи и помогла ему сесть, прислониться к стене. Чудин хлопал глазами и морщился, стараясь в полутьме дома, освещаемого узким окошком с отволоченной заслонкой, разглядеть, кто говорит с ним. Но даже этот слабый свет резал ему глаза.

– Сиди, сиди спокойно! – уговаривала его Загляда. – Ты у добрых людей, мы тебя не обидим.

Из сеней появился Тормод, на ходу утиравший лицо рукавом рубахи.

– Какая холодная вода! – бормотал он. – А! – воскликнул он, увидев Загляду возле чудина. – Ты уже здесь, Сильф Биркин! А что твой пленник водяного? Что он тебе говорит?

³ По представлениям древних, душа обитает в голове.

– Руотсы! – вдруг хрипло выдохнул чудин, словно отвечая на его вопрос, и сделал движение, как будто хотел встать. Но это еще было ему не по силам.

– Видно, он говорит про меня! – решил Тормод.

Загляда вспомнила, что чудь зовет варягов руотсами, и озабоченно покачала головой: по-чудски она понимала очень плохо, зная всего пару десятков наиболее употребительных слов. Как же с ним разговаривать?

Пока она раздумывала, кого из соседей попросить в толмачи, парень оторвался-таки от стены и сел прямо, обеими руками сжимая отчаянно болевшую голову.

– Болит? – сочувственно спросила Загляда. – Выпей еще водички. Сейчас и поесть тебе дадим. Не понимаешь? Есть хочешь? – повторила она, по опыту зная, что этот вопрос люди без труда понимают на самых разных языках.

С полатей тут же свесилась разлохмаченная голова Спеха.

– Я есть хочу! – доложил он, еще не проснувшись толком, но услышав самый важный вопрос.

Чудин тем временем отнял руки ото лба и оглядел полутемную палату, наполненную чужими людьми. Кое-кто уже шевелился, потягивался. Осеня обувался, сидя на лавке и покряхтывая. Спех, ловко ссыпавшись с полатей, одергивал рубаху, позевывал.

– Руотсов твоих нету, – отдельно, как малому ребенку, втолковывала Загляда чудину. – Они тебя бросили, а сами уплыли. Ты в Ладоге теперь! Ты ведь отсюда?

Она не знала, понял ли ее чудин, но его лицо вдруг злобно исказилось, и он резко выкрикнул что-то, а потом быстро заговорил, то поднимая глаза к небу, то ударяя кулаком по шкуре, на которой лежал.

– Бранится! – прислушавшись, решил Тормод. – Чего-то говорит про своих богов. И обещает им многие жертвы!

– Да! – вдруг воскликнул парень и посмотрел на Загляду гневными блекло-голубыми глазами. – Пусть провалятся они все в Туонела, и род их весь! Все руотсы, сколько есть! И он, Гуннар Хирви!

– Ах, так ты по-нашему говоришь! – обрадовалась Загляда и только потом ответила на его слова. – Куда провалится? Кто?

Это внезапная вспышка ярости удивила ее: только что парень не в силах был поднять головы, а теперь уже в драку лезет!

– Руотсы и Гуннар Хирви! – гневно выкрикивал чудин, мешая славянские слова с чудскими, так что Загляда понимала едва половину. – Отец давно говорит: дурной человек. Пусть Хийси рвет его! Он бранился с отцом за меха, хотел за нож три куницы, а надо одна! И меня теперь хотел взять в рабы! Я видел его там...

Внезапно он запнулся и прикусил губу, переведя настороженный взгляд с Загляды на Тормода.

– Где – там? – переспросила Загляда, мало что понявшая, но чудин не ответил, мрачно отвел глаза.

– Видно, его украли те норманны, – рассудил Тормод, лучше Загляды разобравшийся в яростной и сбивчивой речи чудина. – Слышишь, он говорит о каком-то Гуннаре... Что такое Хирви? Короче, некий Гуннар был в большой ссоре с его отцом.

Чудин бросил на него злобный взгляд, угадав, что это один из сыновей столь ненавидимого им племени.

– Да ладно, не гневайся, они ушли. У нас тебя никто не тронет. – Пытаясь успокоить парня, Загляда положила ладонь ему на плечо. – Как тебя звать-то?

Прикосновения ее рук и мягкий голос уняли его ярость: чудин перестал наконец браниться и посмотрел на девушку. Глаза у него были совсем прозрачные – не зря обитателей

приладожских лесов зовут чудью белоглазой. Только сейчас он разглядел, кто заботится о нем, его раздражение постепенно исчезло, сменилось вниманием.

– Мое имя Тойво, – сказал он. – А ты? Ты чья есть?

– Меня звать Заглядой. Мой отец – Милута-купец. Не слыхал? Его и в Ладогe, и окрест многие знают. Он с чудью много торгует.

– Все любят наши меха, – ответил Тойво и надменно приподнял голову. – Пусть твой отец идет к мой отец – будет добрый торг. Мой отец – кунингас. Он есть старший над весь свой род.

– Старейшина? Да ты хорошего рода.

– Хороший род, да! – Тойво гордо выпрямился, но тут же застонал от боли в голове и чуть не упал, прижал руки ко лбу.

– Полежи пока. – Загляда потянула его за плечо и уложила опять на мешки.

– Мы теперь в Лаатокка, да? – Парень приподнялся и схватил ее за руку. Загляда уже хотела встать и уйти, но ей пришлось снова сесть – чужин держал ее с силой, какой она и не предполагала в нем сейчас. – Найдите мои родичи, мой отец звать Тармо сын Кетту. Он даст много дары за меня. Найдите скоро!

– Найдем, найдем, – успокаивала его Загляда. – Ты только лежи.

Оставив чужина, она вышла из клетки и направилась к хлеву. Ключница ключницей, а хозяйка хозяйкой. Она с детства привыкла к домашним делам, но нелегко было себя саму считать хозяйкой вместо матери. Однако пока она не вышла замуж, а отец не женился снова, переложить эти обязанности не на кого.

Тормод вышел вслед за ней.

– Знаешь, что я подумал, Сильф Биркин? – сказал он ей на крыльце. Загляда задержалась, обернулась к нему. – Я подумал, что он пришел к вам через воду, как я пришел через огонь. Но едва ли он будет вам таким же добрым другом, как я!

И Тормод значительно поднял палец, словно хотел придать больше веса своему пророчеству.

– Это не похоже на тебя! – ответила Загляда. – Такое пророчество не назовешь добрым!

Тормод пожал плечами, сам себе удивляясь.

– Доброе ли будущее предсказать или дурное – уйти от него не дано. Даже богам! Но, – он ободряюще положил ладонь на плечо Загляде, – тебе ничего не надо бояться, Сильф Биркин, пока рядом с тобой твой Белый Медведь!

В тот же день Милута собрался на торжище. С ним пошли и Осеня, и Спех, и Загляда, и Тормод, не желавший надолго расставаться с Сильф Биркин, по которой так соскучился за время ее путешествия в Новгород. У старого корабельщика не имелось ни жены, ни детей. Дома, в далеком Рогаланде, он не завел семью из-за чего-то, о чем не хотел говорить. Здесь, в Ладогe, Тормод часто восхищался красотой словенков, но любил одну Загляду, которую с пятилетнего возраста качал на коленях и забавлял как родную дочь.

Радуюсь возвращению, Загляда достала из ларя свою самую нарядную верхнюю рубаху из желтой тонкой шерсти, украшенную по вороту красным узорным шелком, надела оставшиеся от прабабок еще ожерелья из «глазастых» крупных бусин из разноцветного стекла, голову украсила девичьим венчиком, обтянутый дорогим алым шелком с серебряными колечками у висков. Ей хотелось прогуляться по торжищу, по берегу Волхова, так похожего на огромного ползущего змея, провести всех знакомцев и родичей, побывать в Велеше возле трех священных источников.

Тойво она оставила на попечение Зимани. Морщась и прижимая руки ко лбу, он всеми своими богами заклинал Милуту скорее найти его родичей и обещал ему за это всякие блага. Но и без этих обещаний Милута надеялся их отыскать, чтобы избавиться от лишних хлопот. Налицо была чья-то родовая распря, и Милута, случайно оказавшись в ней замешан, жаждал

как можно быстрее выпутаться и забыть о чужих раздорах. Не стоило бы и ввязываться... Да, говорят, Христос велит о чужих заботиться, как о своих.

Возле устья Ладожки люди селились уже несколько веков, новые дома ставились на месте старых, обветшавших или сгоревших, и ни один двор, ни одна улочка не походила на другие. Кое-где попадались еще большие дома, в которых мог разместиться целый род, – как дом самого Милуты, уже целый век не тронутый пожарами. Где-то по улочке протянулись рядком, тесно прижавшись друг к другу, срубы в несколько шагов шириной, крытые соломой или дерном. Избы чередовались с полуземлянками, ко многим домикам пристроились свинарники или хлевы, сплетенные из ветвей и покрытые древесной корой. Кое-где улочки были замощены бревнышками, плахами, старыми корабельными досками, а где-то между порядками дворов тянулась кривая полоска утоптанной земли.

Торговая площадь располагалась перед воротами каменной Олеговой крепости, возле устья впадавшей в Волхов речки Ладожки. Сама крепость была невелика и охватывала совсем небольшое пространство, занятое по большей части дворами ладожской старой знати. Ее стены, сложенные прямо на земле из плоских кусков серо-белого известняка на высоту в два человеческих роста, точно следовали изгибам мыса, образованного слиянием Волхова и Ладожки.

Сегодня была пятница – день торга. Перед воротами детинца всюду стояли волокуши, ржали лошади, сновали люди. В общем гуле мешалась славянская, чудская, варяжская речь. То и дело кто-то окликал Милуту или Тормода, кланялся, приветствовал и расспрашивал о новостях. Отвечая на приветствия и расспросы, Милута озабоченно оглядывался. Мысли о лежащем дома чудском беглеце не давали ему сосредоточиться на собственных делах.

– Чуди-то здесь полным-полно! – приговаривал он. – Да где же мы нашего-то утопленника родичей найдем? Надо Уло спросить, авось он своих знает. Или Мостку, вон он вроде пошел...

На самом деле чудь не приходилось долго искать. То и дело в толпе встречались мужчины в кожаных штанах и коротких плащах, накинутах на левое плечо и застегнутых большой бронзовой застежкой на боку под правой рукой, женщины – в платье, состоявшем из двух несшитых полотнищ спереди и сзади, которые соединялись лямками через плечи, а их концы скалывались на груди двумя большими застежками, бронзовыми или серебряными. Между застежками звенела цепочка или ожерелье, а под ними висели игольники, ножички, гребешки, обереги – костяные или бронзовые фигурки зверей и птиц с подвесками, издававшими на ходу приятный звон. Головы женщин были покрыты платками, красивой застежкой приколотыми к волосам, девушки носили венчики из бересты или кожи.

В самом людном месте на торгу расположился купец Крушина – невысокий рыжебородый мужичок, скупавший стеклянные украшения у местных мастеров и зимой развозивший по чудским лесам, но и торга в Ладоге не пропускавший. В большом ларе блестели насыпанные в небольшие туески бусины: хрустальные и сердоликовые, стеклянные – цветные и позолоченные, круглые, граненые, продолговатые, ярко-желтые и густо-синие, с разводами, полосками и глазками... Не перечислить, не пересмотреть этого богатства, которым в Ладоге торговали издавна. Даже Загляда, унаследовавшая от матери целый ларь этого добра, не могла спокойно пройти мимо. А женщины-чудинки целой стаей собрались вокруг Крушины с его товаром, разглядывали, выбирали, считали бусины, чтобы определить цену, торговались по-русски и по-чудски.

– Вон, у Крушины спроси. – Осеня показал концом посоха на бойкого знакомца. – Он всякую зиму по чуди ездит, всех, поди, знает.

Милута подошел ближе: заметив его, Крушина охотно ответил на приветствие, начал расспрашивать о поездке в Новгород, о тамошних новостях.

– Не знаешь ли такого чудины... вот, опять имя позабыл! – наконец осведомился Милута.

– Тармо, – подсказала Загляда, не отрывая глаз от бусин. – Тармо сын Кетту.

– Как не знать такого человека! – живо откликнулся Крушина. – Только ежели ты его по торговым делам ищешь, то понапрасну, так-то!

– Почему же? – Загляда обернулась.

– Не будет он торговать теперь. Не до того ему, так-то!

– С иными не знаю, а уж с нами торговать он будет! – уверенно ответил Милута. – Ты, друже, будь ласков, скажи, где его сыскать, а уж прочее – наша забота.

– В горести ныне Тармо, ни о чем речи не ведет.

– Что же за горесть? – спросил Милута.

– Сын у него пропал, так-то! – значительно сказал Крушина, делая вид, что очень сочувствует чудскому старейшине. – Люди говорят, что украли его варяги. Был у него давеча варяг, Гуннар Лось, а чудины его зовут Гуннар Хирви...

– А, такого человека я знаю! – воскликнул Тормод. – Но я слышал о нем мало хорошего.

– Вот видишь, батюшка! – Загляда всплеснула руками. – И он то же самое говорил!

– Да где же нам этого Тармо сыскать? – в десятый, кажется, раз спросил Милута.

– Да в Княщину он пошел с родичами, к воеводе варяжскому, – обидевшись, что прервали его рассказ, сварливо бросил Крушина. – Там его и ищите, коли что.

– В Княщину нам недосуг... – Милута покачал головой. – А нет ли кого из его родичей здесь, на торгу?

– Мало ли у него родичей, за всеми не усмотришь...

Видя, что от неприветливого собеседника больше ничего не добиться, Милута и Загляда отошли.

– Видно, к Мостке надо, – вздохнул Милута. – Надо было сразу Спеха к нему послать. Да, а Спех-то где?

– Да уж не потеряется! – отмахнулась Загляда. – Этого палкой не отгонишь...

Потерять Спеха и правда не получилось бы при всем желании – в любой толпе он выделялся, как яркий мухомор среди блеклых осенних листьев. Он нарядился в белую рубаху с вышивкой, красный плащ, широкий пояс из пестрой тесьмы с кистями. Сын полоцкого гончара любил щегольнуть и на торжище ходил, чтобы, как говорят, на людей посмотреть и себя показать. Держался Спех так вольно и весело, все рассматривал, ко всему прицениваясь и над всеми вокруг подшучивая, что походил скорее на купеческого сына, чем на простого работника.

– Ты глянь! – восхищенно тянул он, провожая глазами идущую мимо девушку-чудинку. Светловолосая, голубоглазая, с мягкими чертами лица и розовым румянцем на щеках, девушка напоминала полусозревшую ягоду-земляничку. И одета она была под стать: верхнюю рубаху из некрашеной белой шерсти украшала красно-зеленая тесьма, бронзовая бахрома покачивалась у края подола, а плечи покрывала зеленая накидка, скотая на груди круглой серебряной застежкой. Волосы придерживал кожаный ремешок с нашитыми на него блестящими медными бляшками.

Девушка-земляничка остановилась возле сундука с бусами, где недавно стояли Милута с дочерью, и принялась рассматривать украшения. Но как ни была она ими увлечена, а все же заметила восхищение Спеха и пару раз метнула на него быстрый любопытный взгляд поверх сердоликовой и хрустальной россыпи.

Обрадованный Спех приосанился, поправил вихры надо лбом и двинулся к девушке. Видя только ее и не выбирая дороги, он толкнул кого-то в толпе и вдруг получил в ответ такой толчок, что покачнулся и едва удержался на ногах. С возмущением обернувшись, он увидел перед собой высокого светловолосого парня с серо-голубыми холодными глазами. Высокий лоб, прямой ровный нос и жесткий подбородок указывали на варяга, равно как и одежда, и застежка плаща, на которой застыли, подняв головы, два серебряных дракона. Молодой варяг стоял возле одного из прилавков и держал нож с резной костяной рукоятью. Окинув Спеха

пренебрежительным взглядом с высоты своего роста, молодой норманн обернулся, посмотрел на девушку-земляничку и понимающе усмехнулся. И его усмешка очень не понравилась Спеху.

– Ну, ты полегче! – воскликнул он и упер руки в бока. – Ты здесь не у себя, чтоб кого попало толкать!

– Ты тише, в драку-то не лезь! – пыталась унять его Загляда, но Спех ее не слушал.

Молодой варяг бросил нож обратно в сундук и повернулся к Спеху. Нашла коса на камень: своим окриком Спех только раззадорил его.

– А ну, пусти! – Спех, которого никогда не называли робким, придвинулся ближе. – Стал на дороге столбом – лучше добром уйди, а не то сдвину!

В ответ варяг смерил Спеха глазами, словно сомневался, способен ли он хоть на что-нибудь. Он не произнес ни слова, но от его молчаливой насмешки вся кровь вскипела в сердце Спеха. Он с размаху толкнул варяга в плечо и в ответ получил такой удар в ухо, что в глазах потемнело и взор на миг окутала тьма.

Даже будучи сыном простого гончара, Спех никому не прощал таких обид. Не помня себя, он бросился на варяга с кулаками. И тут выяснилось, что потасовки парней гончарного конца, в которых ему до сих пор случалось принимать участие, были всего лишь детской возней. Длинные руки молодого варяга оказались налиты силой, а ярость не слепила ему глаза, так что удары железных кулаков сыпались на Спеха градом и неизменно попадали в цель. «Не за тем верх, кто сильно бьет, а за тем, кто неожиданно попадает!» – говорил один из посадничьих гридей, и теперь Спех на себе убедился в его правоте.

Загляда во весь голос звала на помощь. Вокруг визжали женщины, разбегаясь в стороны. Одни боги знают, кто задел короб с бусами, но только тот вдруг с грохотом опрокинулся и рухнул на землю с чурбака, на котором стоял. Бусины, как осколки солнечных лучей, брызнули во все стороны. Тут же к визгу женщин и гулу толпы присоединились истошные вопли Крушины.

– Ой, разбой, лиходейство! – орал он, подпрыгивая на месте, но не приближаясь к дерущимся. – Скорей к мытнику бегите за гридями, вяжите злодеев!

Но драка продолжалась недолго. Даже к мытнику за помощью не успели послать, а Спех уже лежал на земле, с болью во всем теле, ничего не видя от залившей ему глаза крови, которая текла из ссадины на рассеченной брови. Молодой варяг стоял над ним, брезгливо вытирая о штаны замаранный кулак.

Загляда бросилась к Спеху, приподняла его голову и попыталась вытереть лицо, не замечая, что кровь капает на ее нарядную рубаху. Спех застонал и попытался повернуться.

– Да дайте ж воды! – крикнула Загляда и вдруг наткнулась на пронзительный взгляд молодого варяга. Серые глаза его блестели, будто сталь.

Варяг все еще стоял на прежнем месте и смотрел сверху на своего поверженного противника. Девушка бросила на него только один сердитый взгляд и отвернулась. Лицо Спехова обидчика показалось ей некрасивым, а глубоко посаженные серо-голубые глаза – холодными и жесткими. Она не знала, что сам скандинав после беглого обмена взглядами остался о ней совсем другого мнения. Ему было жаль, что такая красивая девушка на него сердита, но он не жалел о том, что сделал.

Собравшийся вокруг народ возмущенно и опасливо гудел, слышались возгласы на разных языках. Привлеченные криками люди Милуты спешили к месту событий. А за спиной молодого варяга уже собрались его товарищи – молодые и средних лет, светловолосые, высоколобые, с холодными и решительными светлыми глазами. Судя по виду, они совсем недавно прибыли откуда-то из свейских земель, вероятно, из Уппланда. Положив руки на рукояти крепких франкских мечей, они всем обликом выражали готовность постоять за своего.

– А мое добро кто возвернет?! – Не помня себя от возмущения, Крушина метался вокруг, отыскивая виноватых, указывая то на опрокинутый короб, то на рассыпанные бусины, которые украдкой подбирали дети из толпы, то на ясное небо, и призывал в свидетели всех богов.

Вперед торопливо пробирался Милута.

– Вот Велес наказывает! – с досадой бормотал он. – Или мы его жертвами обидели? Мало нам забот с утопленником, так и Спех теперь... Жив он?

Милута наклонился к парню.

– Жив. Поднимите, – велел он своим людям, разгибаясь. – Вставай, душа моя.

Протянув руки дочери, он поднял ее с земли. Загляда дрожала от волнения и возмущения и все оглядывалась на длинного варяга.

– И чего он в драку-то полез? Все красуется! Вот, докрасовался! – досадливо говорил Милута. – Знай сверчок свой шесток!

– За девку сцепились, – подсказал кто-то из толпы.

– Какую девку? – Милута встревоженно обернулся к дочери.

Расстроено хмурясь, та платком вытирала руки, на которых засыхала кровь, с досадой рассматривала темные пятна на желтой ткани рубахи. Новую надела ради праздничка – вот, догулялась!

– Да не твоя – чужинка.

Милуте указали стоявшую в стороне девушку, в испуге перебиравшую фигурки лосей и уток у себя на груди.

– Нет, нет, девка ничего, ничего! – протестующе заговорили рядом чужины. Один из них, пожилой и приземистый, схватил девушку за руку – видно, это был ее отец.

– Мы – своя дорога, они – своя дорога! – торопливо оправдываясь, восклицал он. – Мы их не знаем, они нас не знают – наша вина нет!

А молодой варяг тем временем шагнул к Милуте.

– Меня зовут Снэульв Эйольвсон, – на северном языке произнес он и на всякий случай ткнул пальцем себя в грудь, не зная, понимает ли собеседник. Выговор его подтверждал, что он и правда из племени свеев. – Я из дружины Асмунда Рейнландского, мы прибыли в Альдейгью вчера. Меня можно найти на гостинице дворе Кривого Кари.

При этом он окинул взглядом Милуту и людей за его спиной, проверяя, не хочет ли кто-нибудь из близких побитого покуситься с ним прямо сейчас. Но таких не нашлось. Тогда Снэульв равнодушно отвернулся и неспешно пошел прочь. Если сам Спех или кто-то другой потом все-таки захочет отплатить ему за обиду, то он дал им для этого все возможности. Никто не скажет, что он сбежал как трус, не дожидаясь расплаты.

– Ишь, и пошел себе! – недовольно гудела толпа, но расступалась и давала дорогу варягам. – И дела им нет. Ты бы, человек, пожаловался посаднику.

– Видали: вчера приехали, а уж кулаками махать! – заговорили вокруг. Уже триста лет в Ладогe жили вперемишку славяне, чужины и варяги, и вражда их была такой же старой, как и кровное родство и сотрудничество в торговле и ремесле.

– Да все они, варяжье племя, такие. Коли спускать, на них и управы не будет!

– На нас вина нет! – волновался пожилой чужин, не совсем хорошо понимавший славянскую речь. – Не знаешь, спроси Тармо. Тармо все знают. Тармо – большой человек!

– Постой-ка! – сообразил Милута. – Ты про какого Тармо толкуешь?

Загляда тоже встрепелась и прислушалась.

– Тармо Кеттунен есть мой брат! – как оберегающее заклинание произнес пожилой чужин.

– Вот тебя-то нам и надо! – обрадовалась Загляда.

Вся ее досада разом схлынула: как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Бедный Спех сначала вытащил чужина из реки, а потом своими синяками заплатил за вести о его роде.

– Мы твоего брата ищем, – оживленно говорила Загляда приземистому чужину, потирая ладони с пятнами засохшей Спеховой крови, но уже не думая о ней. – У нас для него добрая

весть. Сын его нашелся. Тойво нашелся! – воскликнула она, видя на лице чудины все ту же тревогу.

– Тойво! – вдруг взвизгнула девушка-земляничка и захлопала в ладоши, чуть не прыгая от радости. – Тойво!

Не зная славянской речи, она услышала произнесенное имя и по лицу Загляды поняла, что у девушки есть хорошие новости о пропавшем родиче. Тут и прочие чудины загомонили, плотным кольцом окружая Милуту и Загляду, нетерпеливо расспрашивая их на двух языках. Теперь Спех мог бы гордиться тем, что спас такую важную птицу. Но, увы, сейчас Спеху было не до гордости. Больше всего ему хотелось оказаться в полутемной клетке Милутиного двора, подальше от людских глаз, и лечь в темном углу рядом с тем, кого он вытащил из реки.

– Посаднику буду бить челом, я так не оставлю! – грозил тем временем Крушина вслед ушедшим варягам, торопливо собирая с земли рассыпанные бусы. – Вы меня попомните! Чтоб вас всех леший драл и кикимора щекотала! Чтоб вас Хеля взяла и змея мировая проглотила! Чтоб вас Укко громом разразил и Ловиатар двенадцать лихорадок наслала!

– Вот силен человек! – Осеня с любопытством прислушивался к бормотанию Крушины, так хорошо знакомого с богами и злыми духами славян, скандинавов и чуди. – Видно, сам со всеми племенами перебраниться успел...

– Ступай своей дорогой, старче! – Тот недобро оглянулся на него. – Я свое дело знаю!

Пожалуй, никогда двор купца Милуты не видел столько чудинов разом. Сюда собралась чуть не половина рода старого Тармо, все, кто вместе с ним приехал в Ладогу искать пропавшего Тойво. Явился и приземистый Кауко, и его дочь Мансикка, ставшая невольной причиной шума на торгу.

Родичи, восхваляя своих богов и благодаря Милуту за доброту, плотной толпой сгрудились возле лавки, на которой лежал Тойво. Спех мог бы обидеться, поскольку первым спасителем Тойво выступил все-таки он, но сейчас парню было не до того. Лежа в другом углу, он прикладывал свежие листья подорожника к своим синякам и ссадинам. Разбитый лоб Загляда перевязала ему чистым платком, и Спех старался не задевать повязки. Но сильнее боли его мучил стыд, ибо никогда прежде ему не приходилось быть так сильно битым при всем народе.

Тармо хотел сейчас же забрать сына в Чудской конец, где остановился у родни, но головная боль не давала Тойво подняться с лежанки.

– Да пусть остается покуда, места не пролежит, нам не в обузу! – великодушно приглашал Милута. – А там на ноги встанет и сам пойдет.

– Чем лечили? – расспрашивал Тармо Загляду. – Какая трава, какое слово?

– Как у нас лечат – клеверовый цвет заваривали, папоротниковый лист. А заговаривала так, как меня матушка моя учила: «Как на высоком своде небесном нет ни раны, ни крови, как не бывает на нем ни боли, ни треска, так бы и на челе у Тойво, сына Тармо, пусть не будет ни раны, ни крови, ни боли, ни круженья», – повторила Загляда, а Тармо прислушивался внимательно, но с недоверием.

Старейшина не отличался ни высоким ростом, ни могучим сложением, но держался уверенно и вызывал уважение даже у незнакомых людей. В его светлых волосах и бороде еще не виднелось седины, блекло-голубые глаза смотрели из-под тяжелых век через узенькие щели, но взгляд их был умным и цепким.

– Это все мало. – Выслушав Загляду, Тармо медленно покачал головой. – Ловиатар – она мать всех болезней – сильна, а вашу речь она не понимает. Прогнать ее – вот что поможет.

Он снял с пояса небольшой продолговатый брусок с просверленной дырочкой – точило.

– Ты точило с собою носишь? – спросила Загляда. – А зачем?

Она и раньше часто видела на поясах у чудинов темный брусок, но не знала, для чего он нужен.

– Точило есть сильный камень, – со значительным видом объяснил Тармо. – Он сильнее стали. Все злые духи боятся его. И все недуги боятся. Он прогонит Ловиатар и ее дети.

– Да, точило – это камень большой силы! – подхватил Тормод, с большим любопытством наблюдавший за чудинами. – Даже у Тора во лбу сидит кусок такого камня. Не урони его, Сильф Биркин! Когда люди бросают точило, камень шевелится в голове у Тора!

Тармо метнул на норвежца короткий неприязненный взгляд. Ему приходилось терпеть ненавистного руотса, поскольку тот жил в доме Милуты, но его присутствие было неприятно Тармо. Ничего не ответив корабельщику, старейшина положил точильный брусок в решето, решето поставил на широкогорлый горшок и стал лить на него воду, вполголоса приговаривая что-то по-своему.

– Возьми эта вода и сделай отвар из твои травы, – сказал он Загляде, снова подвесив точило к поясу и передав ей горшок с водой. – Теперь сильная вода, хорошо поможет.

Загляда взяла горшок и поставила его на огонь. Милута тем временем позвал Тармо и его родичей за столы, Зиманя суежилась, выставляя все угощения, какие успела приготовить за день: толокно, гороховую кашу, жареную дичину, похлебку из рыбы.

– Нет такого зверя на свете, какой не живет в наши леса, – говорил за едой Тармо Милуте. – Сколько зверя ты знаешь? Белка, куница, рысь, выдра, бобер, лось, олень, лиса, медведь, волк – кого ты хочешь? Мы можем дать все. Что ты привез в обмен? Я даю куницу за одну бусину, три куницы – за нож. За доброе копье дам сорок, даже... э, виисикюмента – сорок и еще десять, вот сколько. А за моего сына я дам тебе три раза по сорок куниц.

– Спасибо, да за сына тебе не меня надо благодарить. – Милута обернулся туда, где лежал Спех. Загляда сидела рядом и кормила его кашей с ложки, как маленького ребенка. Сейчас он чувствовал себя слишком несчастным, и такая забота его утешала.

– Сына твоего мой ратник со дна вытащил, а теперь вон сам побитый лежит, – сказал Милута, поглядев на них. – Вон как досталось парню – рук поднять не может.

– Я знаю. Люди говорили. – Тармо неспешно кивнул. – Опять руотсы. Руотсы хотели увести моего сына, руотсы били твой человек. Гунар Хирви теперь не войдет в наши леса – он знает, что не выйдет назад живым. Я стану бить челом посаднику на руотсов. А ты что станешь делать? Тебе не к лицу оставить обиду.

Поймав на миг его взгляд под тяжелыми морщинистыми веками, Милута порадовался в душе, что ему этот человек не враг. В спокойствии чудского старейшины скрывалась немалая сила, сила всей его суровой земли, покрытой мшистыми валунами, через которые смотрят в мир подземные боги.

– Не охотник я за судом ходить да челом бить, – нахмурившись, сказал Милута.

– Послушай меня! – принялся убеждать Тармо. – Я стану бить челом на руотсы за то, что хотели украсть мой сын. Ты будешь видок – ты видел Тойво на их ладьа. И ты станешь бить челом, ведь они обидели твой человек. И мои родичи будут видоки. Мы с тобой будем друзья. Тогда будем большая сила.

Милута снова покосился на Спеха и задумчиво потер бороду. Вместе с бесчувственным беглецом с варяжского струга Спех, сам того не зная, вытащил с речного дна удачу в торговых делах и поддержку в беде.

– Твоя дочь есть красивая, – такими словами вдруг прервал его размышления Тармо. Он смотрел на Загляду, которая осторожно сыпала в кипящую воду, пропущенную через решето с точилом, темный порошок из сухих листьев папоротника.

– Да уж, дочерью меня боги не обидели! – охотно согласился Милута. – Сыновей не дали, так зятя авось доброго пошлют!

Он сказал это без всякой задней мысли и тем более удивился ответу Тармо.

– Да, – сказал тот, переводя взор с девушки на Тойво. – Твоя дочь есть красива и умеет лечить. Она лечит моего сына – я дам ей куницу. А после мой сын принесет тебе точило. Думай.

Милута не понял, что означают эти слова, а сидевшие поблизости чудины стали улыбаться, подталкивая друг друга. По их обычаю точило дарили как часть выкупа за невесту.

– Завтра перед полдень я буду с родичи у посадника, – сказал Тармо Милуте на прощание. – Будь и ты. Мы накажем руотсы за их дурные дела.

Тормод, тоже слышавший этот разговор, бросил на Загляду короткий взгляд, смысл которого она хорошо поняла. Белый Медведь хотел напомнить ей об их утренней беседе. И теперь она с окрепшей уверенностью подумала, что он был прав.

На другое утро после драки на торгу, на самом рассвете, у ворот варяжской крепости Княщины раздался громкий стук, как будто кто-то из всех сил колотил в них палкой. И этот кто-то, похоже, был твердо уверен, что ему откроют.

– Кто там? – крикнули сверху по-варяжски хриплым спросонья голосом.

Через кромку заборола выглянула русобородая голова дозорного в шеломе. По обеим сторонам его шеи больше чем на пол-локтя свешивались спутанные пряди светло-русых волос.

Внизу возле ворот стоял подросток лет четырнадцати. Белые прямые волосы в беспорядке падали ему на лоб и на узкие глаза, совсем прозрачные, с быстрым и неуловимым взглядом. На носу его золотилась богатая россыпь веснушек, щеку и подбородок пересекал давний белый шрам. В Княщине его хорошо знали – это был Ило, приходившийся племянником Тармо и известный в Ладогe, пожалуй, даже лучше своего старшего родича.

– Ты все спишь, Аскель Грива? – задрал голову, задорно крикнул Ило на северном языке. – Смотри, не успеешь расчесаться до ужина – и снова зацепишься волосами за дверь!

– А, это ты, Маленький Тролль! – отозвался дозорный, узнав его. – Тебя надо звать Длинный Язык, смотри, сам не зацепись языком за ворота! Тебя вообще незачем пускать сюда!

– Опять эта козявка орет в такую рань! – Рядом с первым появился второй дозорный, постарше, плотный, с короткой шеей, так что казалось, будто его растрепанная голова без шелома сидела прямо на плечах.

– Привет мой и тебе, Сигват Бочка! – прокричал в ответ Ило. – Не нужно обижаться на меня, ведь если бы я вчера не разбудил тебя, то все пиво досталось бы другим бочкам!

– Ради такой малявки нечего открывать ворота! – презрительно отозвался Сигват. – Если так сюда надо, лезь сам!

Со стены слетела корабельная веревка из тюленьих шкур, привязанная на забороле. Не растерявшись, Ило тут же ухватился за нее и с ловкостью горностая полез наверх. Не успел Сигват зевнуть и почесать в бороде, как Маленький Тролль, перепрыгнув через кромку заборола, уже стоял на верхней площадке рядом с дозорными.

– Послушай, Маленький Тролль, ты наверняка знаешь, что там за дело было на торгу? – спросил у него Аскель. – А если не знаешь, то это, пожалуй, не ты!

– Знаю! – крикнул Ило на ходу, устремляясь к башне, откуда лестница вела вниз. – Но мои вести стоят по эйриру каждая! Скажите спасибо, что вас разбудил я, а не Сигурд Луна!

Когда оба достойных гридя придумали подходящий ответ нахальному мальчишке, Ило уже бодро направлялся ко двору ярла. В небольшой крепости дворы и дворики теснились почти вплотную. Уже полтора века здесь жили наемные скандинавские дружины, приведенные еще Рюриком, которые охраняли торговые пути от больших и малых разбойных ватаг. Многие скандинавы приезжали сюда молодыми дренгами и оставались на берегах Волхова на всю жизнь, брали жен из славянок и чудинок и в конце пути ложились под курган в урочище Плакун на другом берегу. Дети их, с младенчества владея двумя языками, не знали, к какому народу себя отнести. К счастью, мало перед кем вставал такой выбор. Скандинавы называли Ладогy «фридланд» – «мирная земля». Кроме дружины, на варяжской горе жило немало ремесленников, торговых гостей, корабельных мастеров.

Двор Оддлейва ярла стоял в самой середине детинца. Пространство заполняли хозяйственные постройки, а посередине возвышался большой дом. Средняя его обширная хоромина

под дерновой крышей была самой старой – когда-то в ней жили и хозяева, и челядь, и даже скотина. Но за долгие последующие годы каждый из хозяев Княщины вносил изменения, перестраивал двор и дом, добавлял бревенчатые пристройки разного размера и назначения, так что теперь жилище ярла выглядело беспорядочным и бестолковым, зато было довольно удобным и, главное, вместительным.

В дом Ило пустили, ни о чем не спрашивая, – его здесь знали не хуже самого хозяина. Молодые дренги у дверей смехом отвечали на его задорные приветствия. Ило заглянул в грид, но среди спящих и просыпающихся, как видно, не было того, кого он искал. Мальчик отправился в большой дом.

Просторная передняя клеть служила и кухней, и помещением для челяди. В устройстве ее замечалось смешение привычек славян и скандинавов. Посередине, на земляном полу, находился выложенный камнями большой очаг, где два холопа уже укладывали дрова. Вдоль стен стояли широкие лавки, поверху тянулись полати, углы заняли бочонки и кадушки. Челядинки чесали волосы, другие уже принялись за дела по хозяйству.

Возле очага стоял на коленях тридцатилетний норвежец по имени Кетиль – лучший друг Ило не только в Княщине, но и вообще на свете. Во внешности Кетиля все было крупно и основательно: широкие плечи, высокий рост, крепкая шея. Его по-северному продолговатое лицо с правильными чертами тоже выглядело основательным и соразмерным: высокий широкий лоб, крупный нос, твердый угловатый подбородок, которого почти не скрывала небольшая светлая борода. Только темно-голубые глаза, глубоко посаженные под густыми бровями, казались маленькими на этом лице. Брови его были светлыми, чуть темнее светло-русых волос, лежащих на лбу мягкими, почти бесцветными завитками.

Над очагом уже висел большой железный котел с закопченными боками, полный воды. Кетиль бил огнем по кремню, искры сыпались на бересту и сухой мох, тянуло чуть горьковатым дымом, но огонек все не разгорался.

– Хей, Кетиль! – окликнул его Ило. – Ты хочешь погреться? Что-то давно тебя не чистили⁴, скоро Арнора не захочет к тебе и прикоснуться!

– Хей, мой Маленький Тролль! – Норвежец поднял голову и улыбнулся мальчику. – Мы оба голодны, а очаг не хочет погреть нас и накормить.

– Огник спит – хлеба ему, – сквозь зевоту посоветовала одна из челядинок, словенка.

– Лучше воды – умыться! – усмехнулся Ило.

– Наверное, растопка сыровата, – сказал Кетиль, отряхивая ладони.

– Просто ты не знаешь Слова! – лукаво и значительно ответил Ило. – И огниво твоё от старости стерло все зубы!

– Попробуй своё, если оно такое же молодое и зубастое, как ты сам...

Ило живо сел на пол возле очага, подхватил с холодных камней лоскут бересты, понюхал его, подул, сунул меж поленьев и зашептал что-то по-чудски. Его огниво и впрямь было молодо и зубасто – от одного удара посыпались искры, усеяли бересту и сухой мох, побежал серый дым. Засунув белую голову почти в самые дрова, Маленький Тролль усердно дул, и вот огонек вспыхнул, словно росток мигом проклюнулся из земли, скрючил бересту, лизнул тонкие щепочки на краю неровно обрубленного полена.

– Видно, у нас сегодня все-таки будет каша! – на северном языке сказал над их головами спокойный женский голос.

К очагу подошла молодая женщина, одетая в полотняную рубаху и шерстяное платье, какое носили чужинки и жительницы и северных стран. Его ляжки были сколоты на груди круглыми бронзовыми застежками со звенящей цепочкой между ними. Из-под повязки на плечи

⁴ Игра слов: имя «Кетиль» означает «котел».

падали прямые светлые волосы. Спокойное лицо и весь ее облик дышали уверенностью, словно она и звалась хозяйкой всего обширного ярлова двора.

– С чем ты пришел так рано, Маленький Тролль? Или тебя больше не кормят дома?

– Поклон тебе, Арнора! – Сидя на полу, Ило низко мотнул головой, так что пряди волос закрыли его лицо до самого рта. Осторожно подняв голову, чтобы их не стряхнуть, он продолжал, словно леший из гущи зарослей: – Может, меня недолго еще будут кормить дома, но сейчас я им нужен. Кто вместо меня будет им толмачить, когда они пойдут жаловаться посаднику Дубыне на ярла, Гуннара Лося и Асмунда Рейнландского?

Ило неизменно называл свою чудскую родню «они», словно это была нечисть, которую опасно кликать по имени. Впрочем, родичи Тармо считали нечистью самого Ило. В неуволном взгляде прозрачных глаз белоголового мальчишки таилось нечто такое, что от него даже взрослых мужчин пробирала дрожь. Они не угрожали, но в них отражалась грань иного мира, мира незримых духов. Даже родная мать стала побаиваться Ило, а друзей среди сверстников у него никогда не имелось – он не снисходил до их пустячных забав.

– О, сколько ты наговорил разом! – сказала Арнора и хлопнула себя по бедру, так что обереги на цепочке зазвенели. – Что у вас случилось?

– Не у нас, а у вас! Разве вы не знаете, что человек Асмунда подрался на торгу с человеком здешнего купца?

– За такую новость тебя не стоит кормить! – отмахнулась Арнора. – Про это знает даже глухая Бергтора!

– Тогда я пойду к Асмунду, пусть он меня покормит! – быстро произнес Ило и мигом вскочил на ноги, словно земляной пол сам подбросил его.

Кетиль не менее быстро схватил его широкой ладонью за плечо и заставил снова сесть. Он знал, что Маленький Тролль навещает их очень часто, но никогда не приходит без стоящих новостей.

Мигом смирившись, Ило снова сел на пол и принялся рассказывать обо всем, что слышал в Чудском конце и в гостях у Милуты. Старый корабельщик Тормод дал ему еще одно прозвище – Маленький Кувшин, видимо, помня норвежскую поговорку: «И маленькие кувшины имеют уши» – так говорят про любопытных детей. Охочая до новостей челядь и даже кое-кто из гридей, оказавшихся здесь, собрались вокруг мальчика и слушали, оставив дела и прочие разговоры.

Но не только Маленький Тролль вставал рано. Два друга еще не дождались своей каши, когда Асмунд, сын Рагнара по прозванию Рейнландский, торговый гость из Свеаланда, сам явился на двор Оддлейва ярла. Провожали его три дренга, в том числе тот высокий светловолосый парень, чьи кулаки Спех запомнит надолго.

Асмунд был весьма удачливым купцом. В Ладогу он привез дорогое вино из Рейнланда в еловых бочках, фризские черные кувшины с узорами из зубчиков серебристого олова. От этой поездки он ожидал немалой прибыли, и тем сильнее его встревожила драка на торгу. Ему мерещился гнев посадника, разорительные продажи, даже запрет торговать.

Свейскому купцу не в первый раз приходилось проплывать через Ладогу во внутренние славянские земли, и Оддлейв ярл хорошо его знал. Асмунда и его людей усадили за стол завтракать, жена ярла, доводившаяся дочерью новгородскому боярину Столпосвету, радушно угощала их кашей и пирогами. Но Асмунд так разволновался, что даже угощение его не радовало.

– Боги за что-то прогневались на меня! – заговорил он, когда невозмутимый ярл наконец спросил его о причине беспокойства. – Мало того, что возле Готланда нас едва не ограбил Эйрик ярл! Видно, кто-то на моем корабле приносит несчастье!

Купец бросил взгляд на высокого парня. Тот сходил с ним уже в два похода, у Асмунда было время присмотреться к нему. Боги послали Асмунду сильного, неутомимого, умелого, смелого, но упрямого, обидчивого и задиристого дренга.

– Снэульв слишком торопится вслед за своим отцом! – не удержавшись, добавил Асмунд. Виновник тревог вскинул голову.

– Уж не мне стыдиться своего отца! – со скрытым вызовом ответил он. – Он жил достойно и умер достойной смертью!

– Не надо было наниматься на мой корабль! Тебе надо было идти в дружину Эйрика, сына Хакона, там твоей удали нашлось бы применение!

Снэульв ничего не ответил, только повел плечом. Может, Асмунд и прав, у Эйрика ярла он лучше пришелся бы к месту. Но тогда, минувшей весной, ему не приходилось выбирать.

Драка на торгу его не слишком беспокоила. Ему было немного досадно, что он не сумел удержаться и замарал кулак о какого-то мальчишку. Причитания Асмунда надоели ему. «В одном ты прав, Асмунд сын Рагнара! – думал Снэульв, едва слушая разговор купца и ярла. – Мне нужен такой стюриман, который будет искать битв, а не бегать от них».

Снэульв перевел взгляд на хозяйку и совсем перестал слушать Асмунда. Ему очень нравились славянки – их округлые румяные лица, ясные глаза, серые и голубые, густые косы, русые и светло-золотистые, украшенные цветными лентами и серебряными привесками. Расхаживая по Ладоге, он провожал глазами каждую славянскую девушку. А жена ярла даже здесь славилась красотой. Лучше ее была только та девчонка на торгу. Со времени драки Снэульв вспоминал о ней уже не в первый раз. Но вот уж о ком вспоминать напрасно – теперь он не дожидется от девушки ласкового взгляда. Кто он ей, тот побитый парень, жених, брат? Как она бросилась поднимать его с земли, как вытирала ему кровь с лица расшитым рукавом шелковой рубахи! На миг Снэульв позавидовал своему неудачливому противнику: лежи с разбитой бровью он сам, ни одна девушка из толпы не кинулась бы вытирать ему кровь. А еще говорят, что женская любовь завоевывается доблестью. Видно, здесь, в Гардах, все наоборот.

От мыслей о девушке Снэульва отвлекло появление Кетиля с юрким мальчиком, судя по лицу, из здешних финнов. За немногие дни в Ладоге Снэульв не раз видел его мельком в разных местах. А здесь он, похоже, был желанным гостем – сама хозяйка улыбнулась мальчику, протянула ему целую лепешку, подвинула горшок сметаны.

– Мой Маленький Троль принес не очень хорошие вести, – говорил Кетиль, пока Ило угощался. – Ты помнишь, ярл, как вчера приходил Тармо, сын Кетту, и жаловался тебе, что пропал его сын?

– Как же мне не помнить, – отозвался Оддлейв ярл. – Теперь он говорит, что мои люди похитили или убили его сына, обещает пожаловаться посаднику и Вальдамару конунгу! Я не люблю род Тармо, но я молю Отца Ратей, чтобы сын его поскорее нашелся!

– Повелитель Битв услышал твои мольбы! Сын Тармо нашелся. Его украл Гуннар Лось, тот, что уплыл в Хольмгард три дня назад. А спас его здешний купец и привез обратно. Тот самый, с человеком которого вчера подрался Снэульв. Теперь Тармо в дружбе с тем купцом и уговаривает его вместе идти жаловаться. Они будут свидетелями друг у друга.

– Вот так дела! – воскликнула хозяйка по-русски, а Асмунд снова стал призывать богов в свидетели своих незаслуженных несчастий.

– Подожди! – остановил его ярл. – На кого будет жаловаться Тармо? На Гуннара Лося пусть жалуется своим богам – он не из моих людей, и я за него не отвечаю. Да и за тебя, Асмунд...

Асмунд негодуя нахмурился и снова бросил на Снэульва злобный взгляд.

– Я мог бы утешить богатого гостя! – тут же подал голос Ило. Едва ли нашелся бы во всех словенских землях другой отрок, которому разрешалось без спроса говорить за столом воеводы. Но Маленького Тролля здесь считали кем-то вроде ведуна, которого сначала надо задобрить угощением, а потом просить советов. – И тот денарий, что прячется у тебя в кошельке, хорошо поможет делу.

Вздыхнув, догадливый Асмунд полез искать денарий. Зажав монету в руке, он испытующе посмотрел на мальчика.

– И в чем же твой совет?

– Милута так же мало хочет судиться с тобой, как и ты сам. Помиришься с ним без посадника, и вы оба сбережете серебро. Гораздо больше, чем этот денарий, даже вместе с его братом!

– Ты получишь и его брата, если говоришь правду!

– Если я хоть немного знаю Тармо, то у него на уме другое, – сказал Оддлейв ярл. – И не позже завтрашнего дня он придет к Дубини ярлу жаловаться на Гуннара и на всех нас.

– Не завтра, – снова встрял Ило и мотнул лохматой белесой головой. – Вчера была пятница. А за судом к Дубини ярлу ходят в четверг, день Перуна и Тора. Так что есть еще пять дней. Для того, кто носит на плечах голову, это немалый срок.

Снэульв про себя подивился нахальству мальчишки, а Оддлейв и Ильмера улыбнулись. При всей своей дерзости мальчик-троль очень часто говорил умные вещи.

– Не думаю я, что ты в затруднении, – с улыбкой сказала Оддлейву ярлу жена. – Разве тебе некого послать туда?

Оддлейв посмотрел на Кетиль. Тот кивнул, не удивившись. Уже не первый год он служил посредником в тяжбах, которые случались у варяжской горы с Ладогой и окрестной чуждой. Кетиль неплохо знал судебные правды и обычаи всех трех народов, был выдержан и терпелив, то есть обладал теми драгоценными качествами, которых так не хватало Снэульву.

– Послушай-ка, Маленький Троль! – вдруг окликнул Оддлейв ярл Ило, когда мальчик уже встал из-за стола. Ило с готовностью обернулся к нему. Немногословный варяжский воевода числился среди тех редких людей, кого он уважал. – Скажи мне еще одно. Почему Гуннар Лось украл твоего брата? Они ссорились? Из-за чего?

Люди замерли вокруг стола, ожидая ответа. Вопрос, заданный ярлом, почему-то никому не пришел в голову, но теперь все нашли его разумным. А Ило, к общему удивлению, промедлил с ответом и отвел глаза.

– Ты не знаешь? – спросила хозяйка. – А я думала, ты знаешь все.

Ило по-прежнему молчал.

– Тогда мы будем ждать новостей от тебя, Кетиль, – спокойно сказал ярл, не требуя от мальчика ответа.

Асмунд нелегко расставался и с одной бусинкой, и с половинкой беличьей шкурки. Однажды в юности ему случилось сходить в поход с викингами, и впечатлений единственной битвы хватило надолго. В северных странах говорят, что многие становятся робкими, изведав раны, и для Асмунда это было справедливо. С тех пор он предпочитал торговать, а не воевать, путешествовал только вместе с большими купеческими караванами, собиравшимися в торговых приморских городах. Совсем без оружия не проживешь, но Асмунду гораздо больше нравилась не такая высокая, но более надежная торговая прибыль, чем неверное счастье военной добычи. Его серебро доставалось ему дороже, и он расставался с ним не так легко, как иные викинги.

Совет помириться с Милутой без вмешательства посадника показался Асмунду мудрым и полезным, и он стал выяснять, где живет Милута. А Снэульв тем временем поймал за руку пробежавшего мимо Ило и дернул к себе. Мальчик остановился. Мало кому удавалось поймать и удержать его, если он этого не хотел, но Снэульв ему понравился. В молодом свее чуждой подменыш чувствовал что-то общее с собой, поскольку Асмунд отзывался о нем примерно так же, как Тармо и другая родня отзывались о самом Ило.

– Что тебе, Снэульв Мачта? – спросил он.

– Поди сюда, Маленький-Кувшин-с-Широким-Горлом! – ответил Снэульв. – Ты уже позабавил весь ярлов двор, так расскажи и мне что-нибудь занятное.

– Чем же мне тебя позабавить? – спросил Ило, усевшись на пол возле лавки, на которой сидел Снэульв. – Тебе и так сверху все видно!

– Что-нибудь про того купца, к которому Асмунд собрался в гости.

– Или про его красивую дочку! – насмешливо подхватил Маленький Трольв.

Снэульв рассмеялся. Он не хотел заговаривать об этом, но Ило догадался и сам. Его проницательности завидовали многие взрослые.

– Кто ей тот рыжий парень? – спросил Снэульв. – Жених?

– Нет, – уверенно ответил Ило. – Иначе к ней не сватался бы Тойво.

– Кто это такой?

– Говорят, он доводится мне братом, – пожав плечами, ответил Маленький Трольв, будто сам был вовсе не склонен верить молве.

– Тот самый, что расшиб голову коряге? – насмешливо спросил Снэульв.

Ило залился хохотом, даже опрокинулся на спину, дрыгая ногами, как играющий щенок. Он умел не только шутить, но и смеяться чужим шуткам. Снэульв нравился ему все больше, жаль будет, если этот парень уйдет из Ладogi вместе с Асмундом.

– Эй, Снэульв! – окликнул тем временем Асмунд. – Завтра мы пойдем к купцу мириться. И ты пойдешь с нами. Но не вздумай затеять там новую ссору. Иначе ты больше не ступишь на мой корабль!

Снэульв тихо хмыкнул про себя и отвернулся. Эта угроза его не слишком напугала, за свое место на весле Асмундова кнерра он не очень-то держался. Но он ни словом не обмолвился против того, чтобы пойти к купцу, где мог снова встретить ту девушку. Если купец все же пустит их в дом, они станут его гостями и ей придется взглянуть на него более приветливо.

– Не очень-то надейся! – тихо и ехидно, как настоящая нечисть, прошептал ему Ило. Снэульв в душе содрогнулся: прозрачные глаза маленького финна смотрели ему прямо в душу. – Она – единственная дочь у отца, а отец – почти самый богатый в Ладогe торговый человек. Тебе придется очень-очень постараться...

– Ты много знаешь, Маленький Трольв! – ответил Снэульв и слегка щелкнул его по носу. – Но до некоторых дел ты еще не дорос!

Милута отличался ровным и миролюбивым нравом и больше всего ценил спокойствие, так необходимое для успешного ведения торговых дел. Едва ли он пошел бы жаловаться, поскольку видел, что Спех сам во всем виноват. Но Тармо, чудской старейшина, был непреклонен и настойчиво напоминал Милуте о необходимости наказать обидчика.

Через день после драки на торгу Тармо с утра привел лошадей, чтобы забрать Тойво в Чудской конец. На прощание он опять завел с Милутой разговор о тяжбе. А Тойво тем временем неохотно прощался с Заглядой. Он не смел перечить отцу, решившему его увезти, но сам с удовольствием пожил бы еще на Милутином дворе, предоставив свою больную голову ласковым рукам хозяйской дочери.

Загляда, пожалуй, радовалась, что он уезжает. Чем меньше Тойво нуждался в заботах, тем меньше сочувствия вызывал он в ее душе. Выздоровев, парень ей разонравился: он оказался не просто горд, а заносчив и надменен. Почти ни с кем в доме он не разговаривал, отворачивался от Тормода, как будто тот чем-то его обидел. Вежлив он был только с Милутой, его одного признавая за ровню. На Спеха, своего спасителя, он совсем не обращал внимания, полагая, что серебряного обручья, данного Тармо, вполне достаточно. Спех обижался и ворчал, что такого тошного парня Водяной есть и не стал бы, но при самом Тойво помалкивал.

С Заглядой Тойво разговаривал мало, зато она часто чувствовала на себе пристальный взгляд его прозрачных голубоватых глаз. И во взгляде его не было ни тепла, ни даже благодарности за заботы, и девушке делалось от этого неуютно.

На прощание Загляда подала отцу и отъезжающим гостям по чарке меда, а сама отошла, села на скамью под отволоченным окошком, где посветлее, и принялась перебирать сухой горох

в решете – на кашу. А Тойво, одетый в новую желтую рубаху с каймой из бронзовой проволоки, подпоясанный новым поясом с медными бляшками, с бронзовыми браслетами на обоих запястьях, покрытый синим плащом с серебряной застежкой – все это привез сыну Тармо, – встал рядом с Заглядой, загораживая ее от старших. Тойво молчал, и Загляда молчала, не поднимая глаз. Свои прощальные напутствия она уже высказала, его молчание ее томило, ей хотелось, чтобы он ушел.

– Твой отец скоро будет у нас, в наша весь, – медленно заговорил Тойво, и даже его словенская речь стала отчего-то хуже обычного. Загляда вскинула на него глаза и снова опустила лицо к решету, подставив взгляду Тойво свой затылок с прямым тонким пробором в светлорусых волосах. – Пусть ты тоже приехать с ним. Мы тебя будем хорошо принять. Мы хорошо живем, тебе будет по нраву. Да?

– Не знаю, что и сказать, – отвечала Загляда, не поднимая глаз и продолжая перебирать горох. Она понимала, что Тойво неспроста так настойчиво приглашает ее. Ей не хотелось обижать его прямым отказом, но принимать приглашение не хотелось тоже. – Как батюшка рассудит, так и будет.

– Твой отец добрый, он хочет, чтобы ты жить хорошо. А у нас много куниц, коров и иного добра. Тебе у нас будет по нраву. Ты хочешь?

Тойво вдруг сел на скамью рядом с ней, крепко схватил ее за руку с зажатыми горошинами и потянул Загляду к себе, заглядывая ей в глаза. Смутившись, она отпрянула и хотела отнять руку, но Тойво не выпускал. Она понимала, о чем он спрашивает, и растерялась от такой настойчивости. Ей было странно и подумать о том, чтобы стать женой чужина, войти в чужой род, говорящий другим языком, верящий в других богов, живущий по другим обычаям. Жить в лесу, не видеть людского оживления Ладоги, покинуть всех близких... Невест у чудинов брали многие ладожане, но своих девушек им отдавали редко.

– Пусти! – стыдась старших, шепотом воскликнула Загляда. – Не дело ты...

– Мой отец тоже думает так! – горячо шептал Тойво. – Он будет говорить с твой отец.

К счастью, Тармо позвал сына. Тойво неохотно выпустил руку Загляды и ушел в сени. А она сжалась на скамье, взволнованно оправляя косу.

– Я не привык быть в долгу, – говорил Тармо на прощание. – И скоро я отплачу тебе сполна за заботу о моем сыне. Мы тебя ждем, ты будешь дорогой гость. И дочь твоя тоже.

Тойво значительно глянул на Загляду – отец подтверждал его слова. Сам Тармо тоже посмотрел на девушку, но она отвернулась, довольная, что Милута, благодаря за приглашение, не упомянул о ней. И всем сердцем Загляда радовалась, когда гости наконец уехали.

Проводив чудинов, Милута и сам собрался уходить. Уже скоро Тармо намеревался возвращаться домой, в лесной поселок своего рода, и Милута уговорился ехать с ним за обещанными мехами. Времени оставалось мало, а к поездке нужно было подготовиться: пересчитать и уложить товар для обмена, запастись едой, осмотреть лошадей и волокуши.

Но едва Милута надел свиту и затянул широкий тканый пояс, как в ворота постучали.

– Господине, варяги никак к тебе! – крикнул челядинец, вбежав из сеней в клеть.

– Вот уж кого не жду! – Милута изумленно повернулся к дверям. – Что за варяги ко мне? Выйдя к воротам, Милута увидел пятерых незнакомцев.

– День добрый вам! – по-русски сказал стоявший впереди, видимо, старший среди них. – Где есть Милута, сын Волотыря?

– Я Милута и есть. А вы кто такие будете, по какому делу?

– Мы пришли к тебе для добрая беседа! – ответил ему варяг. – Мы хотим говорить о добром деле.

– Ну, коли о добром деле, так заходите в дом, – решил Милута и растворил ворота.

Варяги зашли в клеть. Загляда, не готовая встречать гостей, убежала со своим решетом в дальний темный угол и оттуда разглядывала пришедших. В Ладоге о варягах говорили раз-

ное: одни бранили их за разбои, другие хвалили их сереброкузнечное и кораблестроительное мастерство и ратную доблесть. В гости к Тормоду часто заходили его соплеменники с заказами на починку или постройку кораблей, и Загляда знала, что они, в общем-то, не чудовища, а люди как люди. К тому же среди ее прямых предков было немало выходцев из-за Варяжского моря как с материнской, так и с отцовской стороны. Но справедливо было и то, что наибольшая опасность на его берегах исходила именно от них, и Загляда, как и все словены, относилась к ним настороженно. Ей хорошо запомнилась драка Спеха с молодым варягом на торгу, и она догадывалась, что приход неожиданных гостей связан с этим происшествием.

– Мое имя – Асмунд, сын Рагнара, я есть из Свеаланд, – говорил старший из варягов, хорошо одетый мужчина средних лет.

Поверх красивой крашеной свиты он накинул короткий синий плащ, заколотый на боку под правой рукой большой серебряной застежкой. Длинные светло-русые волосы были зачесаны назад от высокого лба и на затылке связаны тесемкой, небольшая гладкая борода казалась чуть темнее волос. На поясе его висел сафьяновый кошель, рядом с ним – дорогой франкский меч в отделанных серебром ножнах, на пальцах блестели несколько золотых перстней, а на шее – серебряная гривна с подвесками в виде маленьких молоточков. Словом, весь облик торгового гостя говорил о богатстве и удачливости.

– Я пришел в Ладога для добрый торг, привез вино и кувшины, – рассказывал он, когда Милута усадил гостей на лавки. – Но вот беда – была обида на торг. Мой человек имел раздор с твой человек. Я пришел делать мир. Умные люди не нужно просить суда у Дубини ярл, мы разберем дело сами. Я прошу тебя назвать виру за обиду и побои, и мы будем в мире без Дубини ярл. Зачем за наш раздор давать серебро еще и для Вальдамар конунг?

Милута понимающе усмехнулся. Несмотря на ломаную речь варяга, суть была очевидна: зачем платить виру в княжескую казну, если можно уладить дело между собой? Вспомнив Тармо, Милута на миг заколебался.

– Зачем искать, ваш или наш ударил первый? – торопливо говорил Асмунд. – Лучше нам мириться и жить в дружбе. Я многие лета торгую в Гардар, я знаю: мир и добрый торг лучше всего. Вот здесь Снэульв Эйольвсон, который обидел твой человек. Назови твою цену мира.

Обернувшись, Асмунд указал на своих людей, и Милута увидел среди них высокого светловолосого парня. Он сидел позади всех, опустив глаза.

Заметив его, Спех обиженно насутился, Тормод многозначительно покачал головой.

– Раздор есть дурное дело, мы не хотим раздор, – убеждал Асмунд Милуту, видя его колебания. – Мы дадим подарки за обиду и будем все иметь добрый мир. Да?

– Мира, говоришь, хотите? – отозвался Милута, когда варяг умолк.

Внешне оставаясь невозмутимым, в душе он был доволен, что все так хорошо складывается. Ни Спех, ни Милута не могли считать свое дело правым, ведь Спех ударил первым. То, что варяги сами пришли мириться, избавляло купца от многих хлопот и при этом позволяло не уронить своей чести. Мельком вспомнив Тармо, Милута порадовался, что чудской старейшина уже уехал – при нем примирению не бывать.

– И у нас говорят: худой мир лучше доброй ссоры, – недолго подумав, продолжил Милута. – Мы с тобой люди торговые, нам раздоры ни к чему.

– Не худой мир – добрый мир! – Радуюсь, что русский купец не отвергает его предложения, Асмунд дружески положил руку на плечо Милуте. – Добрый мир будет!

– На доброе слово и ответ добрый. Мир – так мир! Будьте нашими гостями!

Варяги радостно загомонили, выложили принесенные подарки: хозяину – вино в еловой бочке, а Спеху – новый красный плащ и шапку с шелковой отделкой. Против такого подарка недавний гончар не мог устоять. Подувшись еще немного, Спех сменил гнев на милость и сел со всеми за стол.

Загляде пришлось бросить свой горох и помогать отцу принимать гостей. Сбегав в горницу, она переоделась, наскоро переплела косу, надела серебряные уборы. Когда она вернулась в клеть и стала помогать Зимане подавать угощение, внимание гостей обратилось на нее. Она замечала, что варяги рассматривают ее, спрашивают о ней друг друга и своего предводителя.

– Се есть дочь твоя? – осведомился Асмунд у Милуты.

– Дочь моя, – с родительской гордостью подтвердил Милута.

– Боги дали тебе дочь вельми красиву ликом, добру нравом и разумом, – хвалил Асмунд, глядя, как Загляда расставляет на столе блюда с пирогами. – Она принесет тебе хорошую родню. Как ее имя?

– Заглядой прозываем.

Асмунд подумал немного и одобрительно закивал.

– Да, се есть доброе имя! Я понял: краса ее есть заглядение!

Внимание чужеземцев смущало Загладу, и она почти не поднимала глаз, но гости держались дружелюбно и уважительно, ели и пили, хвалили гостеприимство хозяина.

Тормод, великий любитель застолий, поднялся, держа в руке большой турий рог, окованный серебром по краям и наполненный медом, и нараспев произнес мирный обет, сам себя переводя с северного языка на словенский:

Провозглашаю мир
Между всеми людьми,
А прежде всего
Между сидящим здесь мужем по имени Снэульв
И мужем по имени Спех!
Между всеми людьми из Свеаланда
И людьми из Альдейгьи.
Провозглашаю мир,
Полный и нерушимый,
От имени наших
Товарищей и сотрапезников,
Жен и мужей,
Взрослых и отроков!

Турий рог пустили по кругу, гости и хозяева пили мед и обещали дружбу каждый на своем языке. Даже Спех, довольный, что его так торжественно назвали мужем, а не отроком, заговорил вместе со всеми. Кроме Асмунда, никто из свеев не мог свободно объясняться по словенски, но с помощью Тормода застольная беседа завязалась, к общему удовольствию.

Только сам виновник прошедшей ссоры оставался как бы в стороне от общего веселья. Загляда давно заметила в числе гостей того высокого парня, с которым Спех так бесславно подрался. Он один еще вызывал у нее настороженность. От его худощавой угловатой фигуры веяло недружелюбием и холодностью, он казался темным пятном раздора среди общего примирения. Даже подавая на стол, Загляда не решалась к нему приблизиться и не подходила к тому концу стола.

– Слышишь, душа моя? – обратился к ней отец. – Уж драка – так с размаху, уж пир – так на весь мир. Поди меду ему налей, может, подобреет.

Асмунд обрадовался – если дочь хозяина поднесет обидчику мед, это будет значить, что обида прощена и мир восстановлен полностью.

Загляда оробела на миг, услышав, что велит ей отец, но отказаться не смогла. Она взяла у отца заздравный рог, налила в него меда из кувшина – меньше половины, чтобы не ударило в голову, – и приблизилась к дальнему концу стола, где сидел Снэульв. Глядя, как она идет

к нему, он медленно поднялся и стоял, возвышаясь над всеми сидящими за столом, высокий и прямой, как молодой ясень. Варяги и русы в палате затихли, глядя на них. Загляда сейчас была особенно хороша: в своей нарядной рубаше она походила на красный цветок; на груди ее пестрели бусы в три ряда – из золотистого янтаря, рыжего сердолика и прозрачного хрусталя, серебро блестело на висках и на руках, золотистые искры от огня на очаге пробежали в косе, а лицо с румяными щеками, красивыми темными бровями и чуть вздернутым аккуратным носом было красиво той славянской красотой, которая много веков пленяет гостей с полудня и полуночи.

Подойдя к Снэульву на шаг, Загляда остановилась, держа рог обеими руками, подняла голову, дивясь про себя его высокому росту. Там, на торгу, первое впечатление не сильно ее обмануло, и сейчас она не назвала бы его красивым: брови чересчур светлые, почти незаметные, рот широкий, а подбородок жесток и угловат. Взгляд у него был пристальным, пронзительным, но умным и внимательным. В глазах его отражалось недоверие: неужели дочь хозяина и правда оказывает ему, обидчику, такую честь?

И не на почетный рог в ее руках он смотрел, а в глаза ей. И что-то перевернулось в нем, стены клетки качнулись; из серо-голубых глаз славянской девушки на него глянула мать, оставшаяся за морем, в чужом доме, сестренка Тюра, и девушка эта показалась Снэульву такой же родной и близкой, как они. С ней он уже не чувствовал себя одиноким в чужой стране, какая-то новая огромная сила поднималась и росла в его груди от того, что она стояла перед ним и не сводила с него взора. И только одного хотелось Снэульву в этот миг – быть любимым этой девушкой, даже имени которой он еще не знал. Так хотелось, что, казалось, пошел бы грудью наперекор ревущему ледолому.

А Загляда смотрела ему в лицо, стараясь хоть чуть-чуть понять того, кому пришлось подать заздравный рог, найти какие-то слова, которые до него дошли бы. Она не хотела произносить пустых слов, ведь заздравный рог отнесет речь прямо к крыльцу богов, но как предложить мир и дружбу этому чужаку? Мгновения бежали мимо них, Загляда держала рог с медом, не замечая его тяжести, забыв, что все чего-то ждут.

Рядом раздался веселый возглас по-варяжски. Девушка опомнилась, опустила глаза, постаралась собраться с мыслями, снова взглянула на свея и сказала, протягивая ему рог:

– Прими наше угощение, и пусть дружба наша будет крепка, пока свет белый стоит! Пусть и мы, и племена наши всегда в мире живут и горя друг от друга не знают!

От волнения она заговорила по-словенски, потом опомнилась, что он едва ли ее понимает, но переименоваться было уже поздно. Вокруг зазвучали одобрительные возгласы: варягам понравилась ее речь, даже тем, кто не понял слов. Красивая юная девушка с заздравным рогом – чего ж тут не понять?

Снэульв взял рог у нее из рук, хотел что-то сказать, но не нашелся и молча поднес рог к губам. Загляда смотрела, как он пьет, с веселым азартом – она, хозяйка, знала крепость своего меда. И рог за считанные мгновения оказался опрокинутым, русы и свеи одобрительно закричали, Снэульв поднял перевернутый пустой рог над головой и улыбнулся Загляде, и она улыбнулась в ответ. Она уже забыла, как сердилась на него, и теперь видела, что он не зверь. Ее прежняя неприязнь сменилась сильным любопытством, ей захотелось узнать его получше.

А хозяева и гости вокруг радостно гомонили, стучали рогами и чашами, хлопали друг друга по плечам. Загляда отошла, и Снэульв проводил ее глазами. Ей не хотелось уходить, как будто неведомая могучая сила привязала ее к нему, и теперь она изо всей толпы видела его одного и, даже отвернувшись, чувствовала его спиной, затылком. В глубине в ней возникла непонятная дрожь, от которой было и неловко, и весело разом. Загляде хотелось спрятаться, чтобы никто не видел ее глаз, но еще больше хотелось вернуться туда, где сидел он. Стараясь отвлечься, она усердно угощала гостей и Милутиных людей. Но и проходя мимо столов с блю-

дами и кувшинами, Загляда всякий раз чувствовала на себе взгляд Снэульва, и это согревало и воодушевляло ее.

Она не замечала, что довольно многие в палате видят, как они переглядываются. Спех от этих наблюдений сделался мрачнее тучи, а Асмунд, напротив, развеселился. Умный купец понимал, что Милута ни в чем не откажет своей дочери, а Снэульву весьма пригодится ее заступничество.

Очень скоро разговор зашел о том, что волновало почти всех торговых гостей, ходивших через Варяжское море.

– Не видали ли вы Ерика, как через море плыли? – стал расспрашивать Милута. – Говорят, он опять разбойничает, как и в прошлое лето.

– Я не видел его, Кристус уберег меня, а Ньерд дал мне дорогу мимо его кораблей! – ответил Асмунд, одной рукой сотворяя знак креста, а другой касаясь оберега на груди, незаметного под одеждой. – Но я видел много людей, которые встречались с ним. И никто не желал бы этой встречи еще раз!

– Откуда же он такой взялся? – спрашивал Осеня. – Что же ваши-то варяжские князья не уймут его?

– Это легче сказать, чем сделать! – Асмунд покачал головой. – У него такая дружина, что многие конунги хотят иметь такую. И родом он не хуже других. Пусть Тормод расскажет.

Что-то, а рассказывать Тормода не приходилось долго упрашивать.

– Про Эйрика ярла можно говорить много! – охотно откликнулся корабельщик. – Его мать была низкого рода – она не жена Хакона ярла, его отца, нет, – но сам Эйрик имеет нрав настоящего конунга. Когда ему сравнялось десять зим, его обидел родич Хакона ярла, Скафти, не хотел дать хорошее место его ладье. А на другое лето Эйрик имел свою дружину. Он встретил в море Скафти, и меж ними случилась битва. И Скафти был убит в той битве. А еще через лето Эйрик имел свою землю и правил как ярл.

– В двенадцать лет? – Милута с трудом мог в это поверить.

– Да! У Вальдамара конунга сыновья не правят так рано, – сказал Тормод, гордясь своим соплеменником.

Загляда старалась слушать Тормода, но взгляд и внимание ее неудержимо притягивались к Снэульву. В чертах его лица было видно, что он из сыновей совсем другого народа, что он вырос среди иных обычаев и говорит на другом языке, но эта печать чужеземного рождения не пугала, как пугает всякий чужак. Но даже крошечное родимое пятнышко над правым уголком рта уже казалась Загляде красивым и необыкновенно значительным. Теперь она разглядела, что его светлые, как лен, волосы отливают серебром и мягкими колечками лежат на высоком лбу, а на прямом носу золотятся крошечные пятнышки веснушек. Непонятно, почему все это так нравилось ей, как будто этот длинный свей был единственным парнем на свете.

– Потом Эйрик ярл прославил себя в битве с йомсвикингами, – продолжал тем временем Тормод. – Викинги из Йомсборга – очень дурные люди, они разоряли Норэйг, а Эйрик ярл защищал свою землю. Он убил много йомсвикингов, но подарил жизнь всем, кто попал к нему в полон. Он – славный ярл, смелый и щедрый. Он богат удачей, а потому все хотят ему служить. А какой знатный корабль он имеет! – Тормод мечтательно закатил глаза. – Его называют «Барди». Его нос и корма обиты железом до самой воды.

– Зачем же он в разбой подался? – спросил Милута. – Наши-то князья вашу землю не разоряют. Вот, рассказывают, что на Киевщине от печенегов людям житья нет, но печенеги хоть от голода в набеги ходят, а ваши-то зачем?

– Наши зачем? – Тормод удивился его вопросу. – Везде одно – голод.

– Разве и у вас голодно живут? – удивился в свой черед Спех. Варяжские купцы и гриди, которых ему случалось видеть, были одеты и вооружены как люди с достатком.

– О-о! – протянул Тормод в ответ. – В Норэйг всякий, кто имеет четыре коровы, есть богатый бонд. А бедный... а бедный в голодный год несет своих детей в лес.

– Зачем?

– Дома их нечем кормить. У вас есть такой обычай?

– Нет, – содрогнувшись, ответил Спех. В доме отца ему не раз случалось голодать, но любой гончар раньше умер бы сам, чем обрек на голодную смерть своих детей.

– А у нас есть, – продолжал Тормод. – И еще другой. Графгангс менн – обреченный на могилу, ты знаешь? Когда бедному человеку нечем кормить своих детей, он должен вырыть могилу и положить их туда, чтобы они там умерли. Когда все умрут и останется один, последний, богатый человек возьмет его к себе и будет кормить.

– Не может быть! – Загляда не могла поверить в такой ужасающий обычай. Раньше Тормод не рассказывал ей ничего подобного. – Да как же можно своих детей живыми в могилу класть?!

– Можно, – спокойно и немного печально ответил Тормод, глядя в ее взволнованно блестящие глаза. – Я сам есть такой последний ребенок. Но моя удача была со мной, и теперь я живой.

Загляда качала головой, жалея варягов, у которых суровая жизнь породила такие обычаи. Подумать страшно – Тормод мог бы умереть в яме маленьким и она никогда не увидела бы его, не играла бы вырезанными им игрушками, не слушала бы вечерами его пугающих и увлекательных сказаний про Фенрира-Волка и три его цепи, про Тора и змею, такую огромную, что ее называют Пояс Земли... И не учил бы он ее языку северных людей – «норрёна мол», – сначала просто показывая на разные вещи: гребешок – кам, котел – кетиль, нож – книв... А потом, когда она стала понимать, не рассказывал бы стихов, в которых сам Всеотец Один учил людей мудрости. «Вин сином скаль мад вин вера» – «В дружбе нужно быть верным другом»... Целый мир умер бы вместе с ним в той мерзкой полузаснеженной яме, среди заколоченных детских тел... Загляда задрожала, как будто ее облили ледяной водой, слезы сами собой накатились на глаза. Никого не замечая, она через всю клеть подбежала к Тормоду и уткнулась лицом ему в плечо. Ей показалось вдруг, что без него и сама она не жила бы на свете. И уж точно была бы совсем не такой, какой стала. Тормод понял; обняв Загляду за плечи, он утешающе поцеловал ее в лоб. Видя ее испуг, он и сам заново обрадовался, что выжил. Когда человек кому-то нужен, он уж верно живет на свете не зря.

Кто-то позвал Тормода из другого конца палаты, и он ушел помочь договориться. А Загляда посмотрела на Снэульва, махнула рукой на чужие взгляды – пусть смотрят, кому любопытно! – и подошла к нему. Снэульв с готовностью подвинулся, давая ей место на скамье. Он не был настолько неучтив, чтобы ловить за руки хозяйскую дочь, но очень обрадовался тому, что она сама подошла.

– Ты очень сердита на меня? – спросил он, не надеясь, что девушка поймет, а просто желая сказать ей хоть что-нибудь.

– А ты в каждом новом городе начинаешь с драки? – в ответ спросила Загляда по-варяжски.

– Кто тебя учил языку? – Снэульв изумленно поднял светлые брови.

– Тормод. – Загляда показала на корабельщика. – Он живет у нас. И моя мать по-северному знала.

– А этот, – Снэульв кивнул на хмурого Спеха, – тоже живет у вас?

– Да. Он – человек моего отца.

– Он не брат тебе?

– Нет.

– И не жених?

– Вот еще! – в негодовании по-словенски воскликнула Загляда, но Снэульв понял ее и улыбнулся, вздохнул с облегчением, даже рассмеялся от радости.

– Тогда я больше не буду его бить! – великодушно пообещал он, и Загляда расхохоталась.

Снэульв рассмеялся вместе с ней и взял ее за руку. И Загляда не отняла руки; ей было приятно прикосновение его крепкой теплой руки. Только вот ладонь его оказалась какой-то очень жесткой, совсем как у Тормода. В удивлении Загляда опустила глаза. Сообразив, в чем дело, Снэульв предъявил ей ладонь. Таких мозолей даже у Тормода не было.

– Если ты дружна с корабельным мастером, то, наверное, видела весла? – спросил Снэульв, поняв ее недоумение. Оно его даже позабавило. Девушки Свеаланда такому не удивляются.

– Весла? Да кто же их не видел? – Загляда удивилась его вопросу.

– Я говорю про весла морских кораблей. Не тех лодочек, на каких ходят по вашим рекам.

– Я видела морские корабли. – Загляда, подумав, кивнула. – Дреки. Они к нам заходят, но я видела. Но ты...

Свей был совсем молод, на два-три года старше ее самой. Когда же он успел?

– А во сколько зим ваши люди берут сыновей в походы? – спросил он, снова поняв ее раньше, чем она задала вопрос.

– В двенадцать.

– И меня отец взял на корабль на двенадцатую зиму. То есть семь зим назад. Ну ладно, это было давно. – Снэульву, видно, захотелось переменить разговор, и он неожиданно спросил: – Ты помнишь тот день на торгу?

– Помню, – немного растерянно ответила Загляда. Она не поняла, для чего поминать старое, которое решено предать забвению.

– Тогда ты помнишь, что первым словом, которое ты от меня услышала, было мое имя. А я сижу у тебя в гостях уже довольно давно, но твоего имени не слышал. Может быть, ты забыла? Так я повторю. Меня зовут Снэульв, сын Эйольва.

– Снэ-ульв, – раздельно повторила Загляда, по привычке пытаясь разгадать смысл имени. – Снежный Волк?

– Да. Я родился зимой, незадолго до йоля.

Загляда вспомнила, как говорят: воинов рождает весна, лето и осень, а зима рождает жрецов. Видно, варяжские земли рожают воинов круглый год, ибо сидящий перед ней высокий парень родился воином, и только воином. И телом, и духом он был приспособлен к битвам, как волк приспособлен для охоты в лесу. Даже Спех понял бы это, если бы успел тогда на торгу получше его разглядеть.

– А у моего отца было прозвище Волк, – добавил Снэульв, как будто угадал ее мысли.

– Было? – значительно спросила Загляда. – Он умер?

– Его убили, – коротко ответил Снэульв.

Загляда тревожно заглянула ему в глаза – в ее душе еще не утихла боль от смерти матери, и она испугалась, что затронула в душе своя больное место. Но он выдержал ее взгляд твердо и спокойно. И Загляда без слов поняла все – что отец Снэульва погиб от рук убийцы и был отомщен и что сидящий возле нее молодой свей может открыто, не стыдясь смотреть в глаза кому угодно. Загляде вдруг стало неудобно, захотелось даже высвободить руку из его руки, отнявшей чью-то жизнь. Возникшее доверие и приязнь покачнулись, но тут же она упрекнула себя: если бы отец его не был отомщен, то гость их заслужил бы звание труса. И ни одна девушка, желающая видеть своих будущих сыновей настоящими мужчинами, не подала бы ему руки!

– Так я не слышал твоего имени, – напомнил ей Снэульв. – Или это тайна и мне нельзя ее знать?

– Почему? Заглядой меня зовут.

Загляда снова подняла на него глаза, и его спокойный взгляд успокоил ее. Человек с нечистой душой не может так смотреть.

– Саг-лейд, – с трудом повторил Снэульв. – Так сразу и не скажешь.

– Я зову ее Береза Серебра! – подсказал Тормод, неведомо как оказавшийся возле них. – Посмотри, если у тебя есть глаза, разве она не лучше всех дев в землях Гардов?

– Ну, всех здешних дев я еще не видел, – улыбаясь, произнес Снэульв, и Загляда смущенно опустила глаза. – Но из тех, что я видел, она лучше всех!

Прощались варяги и ладожане как лучшие друзья, и Асмунд взял с Милуты слово, что через шесть дней купец вместе со своими людьми будет гостем на Варяжской улице, где он остановился со своей дружиной.

– У нас еще говорят: у каждого есть друг среди недругов, – бормотал захмелевший Асмунд на прощание Милуте, тяжело опираясь на плечо товарища. – Словене и норманны не всегда были друзья, но пусть у всякого из нас будет хоть один друг среди недругов. Мы сегодня выпили много меда, но еще больше я хочу выпить за это!

Снэульв шел последним, и Загляда провожала его глазами. Ни слова об этом не сказав, оба они верили, что встретятся снова. Скоро встретятся!

Глава 2

Теперь надо рассказать о том, что делалось в Новгороде. За несколько дней до назначенного выступления рати в поход на княжий двор явился Суря, троюродный брат Тармо, сына Кетту. Узнав, что Милута помирился с варягами и не будет на них жаловаться, Тармо решил поискать помощи у князя. «Наш враг в Новгороде, зверя нужно искать там, где он водится, – наставлял он родича. – Поезжай в Новгород, к самому князю, и Расскажи ему о наших обидах. Напомни, что мы исправно платим ему дань уже много лет, и пусть он теперь защитит нас от обид!»

На княжьем дворе было многолюдно, шумно, и Суря с трудом отыскал для своей лошади место возле коновязи. Из широких окон гридницы долетал многоголосый гул, но Суря, ни на кого не глядя, упрямо двинулся к крыльцу.

– А тебе куда? – Встретили чужина в сенях несколько гридей. – Или тебя князь звал?

– Меня князь не звал, но мне нужно говорить с ним, – сдержанно ответил Суря.

Это был высокий, плотный человек лет пятидесяти, с широким вогнутым носом и тонкими губами. Серую заячью шапку он надвинул на самые глаза, и весь вид его никому не показался бы дружелюбным.

– Не до вас сейчас князю, – ответили отроки, не пуская Сурю к входу в гридницу. – Перед походом и без вас дел довольно.

– Пропусти, – вдруг раздался чей-то негромкий, но твердый и властный голос.

На пороге гридницы стоял молодой, лет двадцати семи, воевода с широкой серебряной гривной на шее. Оглянувшись и увидев его, гриди без единого слова расступились и дали Суре дорогу. В самом деле, перед чудским походом гнать чудинов неразумно. Мало ли какая у них весть?

Суря прошел в гридницу и сразу посмотрел на высокий княжеский стол, где в прежние времена сидел князь Владимир или посадник Добрыня. Но сейчас там было пусто. Зато сама гридница оказалась полна народа. Гриди сидели по лавкам, ходили, стояли, обсуждали что-то, гудели голоса, где-то на заднем дворе громко ржали кони. Суря недоуменно огляделся: не обманули ли их, есть ли здесь князь?

– Княже, к тебе чудин явился! – громко произнес молодой воевода, вошедший следом. – Послушал бы ты, что скажет.

– А, Взороч! – крикнул кто-то в кучке людей возле скамьи. – А тут искали тебя!

– Да я не терялся, чтоб меня искать! – отозвался тот. – Княже!

– Слушай, Взороч, помнишь, что я про Разумея говорил? – воскликнул молодой светловолосый парень в кучке людей перед княжеским столом. – На пирах-то он удалые речи держал, мол, всю чужь побьем, за пояс заткнем! А как до дела, так он хворый оказался! Прислал сказать, что сына-де пошлю и ратников дам ему двадцать человек, а сам я стар мечом махать!

– На Разумея надежда худая! – согласился Взороч. – Вот как дорожку замостят, по гладкому он первым поскачет. Да ты погляди, княже, к тебе чудин пришел!

Парень поднялся со скамьи, оправил пояс, взглянул в лицо гостю. Суря удивился: неужели это и есть новый новгородский князь? Не назови его князем молодой воевода, никогда бы не догадаться. В первый миг ему даже стало обидно, не напрасно ли он проделал путь из Ладоги, не зря ли надеется найти здесь помощь.

– Кто такой? – властно спросил тем временем парень и снова сел, приосанился. Люди вокруг него расступились и застыли в почтительном молчании. – Из каких мест? Какого рода?

– Мое имя – Суури, я из рода Тармо, сына Кетту, – начал Суря, незаметно разглядывая молодого князя. Шапку он стащил с головы, открыв высокий выпуклый лоб. Люди с таким

лбом не уходят, не добившись своего. – Я пришел искать защиты у тебя, княже. Мы много лет чтим твоего славного отца и знаем: ты не оставишь нас без помощи.

– Кто же обидел вас?

Сурия принялся рассказывать о том, как был похищен и спасен Тойво, о суде ладожского посадника и о наказаниях Тармо. Вышеслав слушал его одним ухом. Убедившись, что приход чужина не имеет никакого отношения к предстоящему походу, он сразу утратил к нему интерес. Перед походом у него нашлось столько дел и непривычных забот, что он даже осунулся за прошедшие дни. Кормилец Приспей, оставшийся при нем, Взороч, сидевший посадником в Белоозере, Коснятин, Столпосвет, Ингольв, даже мать, княгиня Малфрида, помогали ему советами и делами, но Вышеслав знал: теперь он князь и отвечает за все сам. Эта ответственность оказалась для него тяжела, ибо гораздо легче биться в общем ряду со всеми, повиноваться приказам, а не думать и приказывать самому! Но судьбу не выбирают, будь ты смерд-землепашец или светлый князь из рода Дажьбожьих внуков.

– Люди говорят, что Гунар Хирви поплыл сюда, в Новгород! – говорил меж тем Сурия. – У него не было времени уйти далеко, прикажи найти его, княже!

«Да где же я вам его найду? – хотел было ответить Вышеслав. – К кудесникам своим подите, они вам его и сыщут! Мне бы рати найти довольно для Заволочья, а тут вы еще!»

Но ответить так он не мог. Он совсем недавно стал князем и не научился отказывать тем, кто пришел просить у него помощи и защиты.

– Хорошо, человеке добрый! – ответил Вышеслав, когда Сурия умолк. – Я прикажу искать вашего врага.

– Пусть все чудское племя знает, что князь Новгородский не оставляет без помощи и защиты тех, кто в дружбе с ним, – сказал Взороч.

«Может, и сгодятся на что-нибудь! – подумал Вышеслав, ободренный поддержкой Взороча, мнение которого он очень ценил. – Пока дальнюю чужь идем воевать, с ближней бы не перессориться». Посмотрев на Приспея, Вышеслав заметил на его лице тень одобрения и уверенно закончил теми словами, которые много раз слышал от отца:

– А пока ты будь моим гостем!

На другой же день князь Вышеслав послал закликать на торгу варяга по имени Гуннар Лось, обещая награду тому, кто укажет, где его найти. Торговые гости, чужины, приехавшие на торг из окрестных лесных поселков, внимательно слушали описание варяга со слов Сурия. Несколько кун, которые князь обещал за варяжского лиходея, для многих выглядели привлекательно, а князю обошлись бы недорого. Взороч, Приспей и Столпосвет советовали Вышеславу не скупиться. Пусть чужины видят, как князь заботится о тех, кто исправно платит ему дань.

Ингольв Трудный Гость подходил к воротам, когда из густой тени под тыном внезапно возникла темная человеческая фигура. Бьярни и Рауд мгновенно кинулись вперед с мечами наготове, заслоня собой жоака. У Ингольва в Новгороде имелись враги.

– Тише! Я не со злом к тебе, Ингольв! – приглушенно воскликнул незнакомец на северном языке. – Я пришел поговорить с тобой!

– Кто ты такой? – спросил Ингольв, выступив из-за спин своих воинов и держа руку на рукояти меча. Великан Битвы оставался в ножнах, но всякий, кто знал Ингольва, знал и то, что меч сам прыгает ему в руку и взлетает быстрее нападающей гадюки. – Что тебе надо?

– Я скажу тебе мое имя. – Незнакомец быстро огляделся. Сумерки уже сгустились, на кривой улочке между двумя рядами тынов не было видно ни единого человека. – Но не здесь. Ты ведь не затем купил этот двор, чтобы стоять перед воротами.

Ингольв бросил взгляд Рауду, и тот застучал кулаком в ворота. Когда изнутри отворили, и Ингольв ввел незваного гостя во двор, ему смутно казалось, что они уже виделись или он где-то слышал голос этого человека, но не мог сообразить, где и как они встречались. Да и разве

может воин, перебивший за двадцать лет не одного повелителя и не одну страну, запомнить всех, с кем когда-то сводила его судьба?

Шедший впереди холоп внес горящую лучину и вставил ее в светец. Ингольв кивнул гостю на лавку, а сам снял и бросил холопу плащ. Бьярни и Рауд уселись по сторонам двери, ведущей в сени, под развешанной по стене конской упряжью.

– Прикажи твоим людям выйти, – сказал гость, поглядев на хускарлов. – Не всякому можно слышать то, что я хочу тебе сообщить. А если боишься остаться со мной вдвоем, забери мое оружие.

Распахнув плащ, он показал короткий меч и нож на поясе с костяной резной рукоятью.

– Может, и есть на свете человек, с которым я побоялся бы остаться наедине, но пока я о нем не слышал, – небрежно ответил Ингольв. – И уж, наверное, это не ты. Так как тебя зовут? Сигурд Убийца Дракона?

При свете лучины он разглядел лицо незнакомца. Выглядел он лет на сорок, как и сам Ингольв. Светлая борода, светлые волосы спереди падали на низкий лоб до самых глаз, а сзади были острижены коротко. Одет незванный гость был ни хорошо, ни плохо, и Ингольв даже не мог догадаться, кто перед ним сидит – купец, воин, чей-то слуга?

Взглядом выслав Бьярни и Рауда в сени, Ингольв снова посмотрел на гостя. Тот тихо поежился под бурым плащом из толстой некрашеной шерсти, но Ингольв заметил это: как собака, он остро чувствовал запах страха. Пришедший к нему боялся – боялся даже самого Ингольва. Правда, мало кого оставлял спокойным прямой взгляд его серых глаз, невозмутимых и твердых, как сталь. Лицо его было непроницаемо, веки полуопущены, весь вид его казался мирным, почти ленивым. Но уже в ранней юности Ингольв заслужил первое прозвище – Меч-в-Ножнах. Уже тогда умные люди понимали его нрав – как клинок, до поры спрятанный в ножны, сохраняет твердость и остроту и извлекается умелой рукой мгновенно. Именно таким был Ингольв. Однажды взглянув ему в глаза, любой понимал, что перед ним человек сильный, уверенный в себе и своем оружии, не знающий страха и способный ради своих целей не останавливаться ни перед чем, добрый к своим друзьям и дружине, но неумолимо страшный для врагов. Человек с очень долгой памятью на добро и с еще более долгой на зло.

– Мое имя – Гуннар, сын Спялбуда, – торопливо заговорил гость, как-то быстро вспомнивший вопросы Ингольва. Он понял, что тот не будет повторять дважды. – Я родом из Южного Мера. Я много лет торговал с финнами и в Гардах, бывал во многих землях и городах.

– Довольно, – спокойно сказал Ингольв, и гость замолчал. – Все остальное я знаю. Ты поссорился с богатым финским родом, хотел украсть старшего сына, но потерял его по дороге и теперь боишься их мести. Вчера люди этого рода приехали к конунгу и просили помочь им найти тебя. И конунг согласился. Тебя уже ищут.

– Я знаю, – поспешно подхватил Гуннар, кутаясь в плащ, словно ему и в доме было холодно. – Я слышал.

– Тебя ищут, как беглого раба. У здешних русов говорят, – Ингольв усмехнулся, – не рой другому яму, сам в нее попадешь. Чего ты хочешь от меня?

– Среди северных людей в Хольмгарде нет более могущественного человека, чем ты, – ответил Гуннар, напряженно глядя на Ингольва. – Я прошу тебя помочь мне. Всего несколько дней, пока конунг не уйдет в поход. Потом ему будет не до меня.

– Я служу конунгу. Мне не нужны те жалкие деньги, которые за тебя обещают, но я не хочу ссориться с Висислейвом и его людьми. Сын Добрини ярла и так ненавидит меня и всю мою дружину. Если кто-то узнает...

– Никто не узнает! – перебил его Гуннар. – А если и узнает, я не поверю, чтобы ты чего-то испугался. Ни один из здешних знатных людей не имеет такой дружины, как твоя. Тебе ли бояться сына, когда ты не боялся и самого Добрини ярла? Ты одурачил мать конунга, ведь люди верно говорят?

– Не тебе судить об этом! – резко оборвал его Ингольв.

Гуннар съехался на скамье, будто ожидая удара. Рука Ингольва, лежавшая на колене, мгновенно сжалась в кулак, но потом опять расслабилась.

– Я не нищий, который просит кусок хлеба и кров, не обещая взамен ничего, кроме добрых слов, – чуть погодя снова заговорил Гуннар. – Я владею огромным богатством и отблагодарю тебя так, как не благодарит и конунг. Твои люди получают у конунга один эйрир серебра в год, а сам ты – полмарки, ведь так? А при Добрини ярле вам и это доставалось нелегко. Он сам был конюхом в молодости, а под старость не любил расставаться с деньгами. А я дам тебе пять марок серебра и кое-какие золотые вещи не меньше двух марок весом, если ты поможешь мне.

Ингольв чуть повернул к нему голову и окинул Гуннара косым насмешливым взглядом.

– Да, по мне этого не скажешь, – без слов поняв его, ответил Гуннар. – Мое богатство сейчас не со мной. Оно зарыто в землю в одном месте, куда я пока не могу попасть. И вся моя ссора с теми финнами произошла из-за моего богатства.

– Я не скальд и не люблю темных путаных речей. Говори толком и расскажи всю правду. А иначе скоро ты будешь рассказывать ее конунгу из той земляной ямы, куда тебя посадят, прежде чем отдать финнам. А финны привяжут тебя за ноги к двум деревьям...

– Я все расскажу тебе! – снова перебил Ингольва Гуннар, не желая слушать дальше о таких страшных вещах. – Ты помнишь Фрейгейра Булгарского?

– Кто он такой, что я должен его помнить?

– Он был торговым гостем, он часто ходил в Булгар и в другие страны по Восточному Пути и нажил там большое богатство. Я поначалу ходил с ним на его корабле. Он доверял мне. Почти двенадцать лет назад он зимовал в Альдейгье и заболел там. Он умирал и дал обет: отдать половину своего добра богам, если они помогут ему выздороветь. Он пролежал до самой весны, но все-таки выздоровел. Он разделил свое богатство на две части и половину отвез в святилище. Тогда в Альдейгье было святилище наших богов – Одина, Тора и Фрейра. Фрейгейр нагрузил лошадь золотом и серебром, были и монеты, и гривны, и обручья, и кубки, и чаши, и дорогое оружие, и конская сбруя в золоте. Он взял с собой двух человек – меня и своего раба-ирландца. Мы зарыли все под идолом Фрейра.

– Это святилище давно разрушено, – заметил Ингольв. Во время всего рассказа его лицо оставалось невозмутимо-безразличным, и Гуннар не мог догадаться, насколько его сага занимает Ингольва.

– Да, Вальдамар конунг приказал его разрушить. Потом над ним прошел пожар, теперь в том месте куча угля и все заросло бурьяном. Но сокровища Фрейгейра так и лежат. Если бы кто-то их нашел, об этом знала бы каждая собака во всех виках вокруг Восточного моря.

– Так это сокровища Фрейгейра, отданные богам. А вовсе не твои.

– Послушай меня! Фрейгейр умер прошлой зимой в Рерике. Я сам завязал ему башмаки Хель. У него не осталось родни, а товары и стоимость корабля поделили его товарищи по последней поездке. А тот раб-ирландец умер еще лет шесть назад. Никто, кроме меня, не знает про эти богатства. А ведь люди говорят: мало проку от сокровища, зарытого в землю.

– Оно принадлежит богам. Или ты принял новую веру?

Ингольв повернулся и посмотрел на Гуннара, в глазах его впервые что-то блеснуло. Чтобы служить новгородскому посаднику, ему вместе с дружиной пришлось креститься, но все знали, что в душе он хранит верность древним богам.

– Если боги не смогли защитить себя и позволили сбросить своих идолов в реку, а святилище разрушить, то им не очень-то нужны эти богатства! – отмахнулся Гуннар, не отвечая на последний вопрос. – Теперь они будут принадлежать тем, кто сумеет их взять.

– Не эти ли сокровища заставили тебя бежать из Альдейгьи?

Лицо Гуннара ожесточилось, он даже зубами скрипнул от досадного воспоминания.

– Это так, – сознался он. – Один из финнов... Сын старшего в этом финском роду застал меня возле святилища. Я не был дружен с этими финнами – им не нравится мой товар, и они так скупы... Да сожрет их Нидхегг! Он поднял шум, сбежался народ... Я едва избежал палок. И этого я не прощу им, пока жив, клянусь молотом Тора!

– Значит, финны знают о сокровище? Тогда на что ты надеешься?

– Никто не знает, я же говорю тебе! Они помешали мне только по злобе. Они не поняли, что мне было там нужно. Мне одному известно о золоте Фрейгейра, но я поделюсь с тобой, если ты поможешь мне.

Ингольв молчал, не отвечая, глядя перед собой из-под лениво полуопущенных век. Гуннар ждал, затаив дыхание. До этого вечера он был знаком с Ингольвом только понаслышке, но другим мог довериться еще меньше.

– Барт! – вдруг крикнул Ингольв в сторону двери.

Из сеней появился раб-словенин, которого Ингольв купил на здешнем торгу и звал просто Бородой, чтобы не ломать язык о славянское имя.

Молча отвесив поклон, Барт ждал приказа.

– Накорми гостя, – велел ему Ингольв, небрежно кивнув на Гуннара. – Пусть ночует наверху.

Раб снова поклонился и ушел. А Гуннар незаметно перевел дух. Если Ингольв согласился считать его своим гостем, то теперь не отдаст, даже если сам конунг со всей дружиной придет требовать его.

На рассвете к воротам двора, который старый посадник Добрыня поставил для своего старшего сына после его женитьбы, подошел невысокий, шуплый, одетый в грубую серую рубаху мужичок с густой нечесаной бородой и коротко остриженными волосами, как у всех холопов. Переминаясь с ноги на ногу, он оглядывался по сторонам, то подходил к воротам и поднимал руку, намереваясь постучать, то опять отходил. На дворе слышались голоса челяди, ржала лошадь. Створка ворот со скрипом выдвинулась наружу, и со двора вышла лошадь, запряженная в волокушу с пустой бочкой. Заспанный холоп, зевая, шел за смирной лошадкой, которая и сама знала дорогу к колодцу. Пропустив волокушу, прищелец проскользнул в раскрытую створку.

– Э, ты куда лезешь? – Дорогу ему преградили двое челядинцев, старик и парень.

– Мне Коснятина Добрынича повидать надобно, – немного оробев, но достаточно уверенно ответил мужик.

– Так он тебя и дожидается, глаза проглядел! Чего надо-то?

– Только боярину скажу! – упрямо заявил пришедший.

– Боярин спит еще. После приходи.

– Недосуг мне после. – Холоп покрутил головой. – Да и весть моя не терпит. Коснятин Добрынич ее дожидается, не погневаается, коли и разбудите.

– Что там такое? – донесся властный голос из глубины двора.

Оба здешних холопа мгновенно обернулись и поклонились. Поверх их согнутых спин прищелец увидел стоявшего на крыльце молодого боярина Коснятина. Похожий на отца, такой же круглолицый, с густыми черными бровями и красивой русой бородкой, Коснятин имел уверенный и властный вид. Несмотря на ранний час, он был уже одет и подпоясан, словно собирался ехать со двора. Мальчишка-холоп мимо него кинулся к конюшням – видно, с приказом готовить коня.

– Я к тебе, господине, с важной вестью! – быстро отвесив поклон, заговорил пришедший. – Вели пустить и выслушай!

– Пустите! – тут же приказал Коснятин.

Оба дворовых отступили от ворот, пропустили утреннего гостя во двор и плотно закрыли створки. А холоп, кинувшись к Коснятину, опустился на колени возле первой ступеньки крыльца.

– Ты чей? – спросил его Коснятин, нетерпеливо похлопывая плетью по узорному сапогу. – С чем пришел?

– Холоп я воеводы варяжского, Вингола! – зашептал мужик, воровато оглядываясь, не слышит ли кто. – Слышал я, что вчера на торгу закликали варяжского лиходея. Так тот лиходея у нас на дворе скрывается. Воевода его прячет.

– А не врешь? – Коснятин нахмурился.

– Ей-ей, разбей меня громом, не вру! В повалухе у нас спит, я сам ему стелил! Вчера вечер пришел, уже как стемнело, и долго с воеводой один говорил. Воевода его кормить велел.

– Ну смотри! – Коснятин развязал кошель на поясе и бросил холопу старый плоский стертый дирхем.

– Только ты, господине, не сказывай никому, что я сказал! – торопливо сунув монету за щеку и опять оглянувшись, заговорил холоп. – А то ведь воевода прибьет меня, а мне до выкупа уж не так много копить! Жена у меня в селе осталась, детей четверо!

– Ладно, иди! – спровадил его Коснятин, нетерпеливо поглядывая на раскрытые двери конюшни. – Эй, заснули там?

– Спасибо тебе, господине! А мало ли кто его видеть мог! Новгород-то не лес, из-под каждого ворот по глазу смотрит!

Не слушая его больше, Коснятин пошел к конюшне.

Выйдя в гридницу, князь Вышеслав застал там множество народа. С одной стороны сидели Взороч и боярин Столпосвет, что-то тихо обсуждая между собой, чуть подальше – Коснятин и Сурия.

– Что-то ты невесел, брате! – окликнул Вышеслав Коснятина, пробираясь к княжьему столу. – Не захворал ли? Перед походом бы нехстати.

Коснятин повернулся к Вышеславу, поклонился, как все, но ответил не сразу, а молча смотрел на него, как будто видел впервые. И взгляд его показался Вышеславу тяжелым, неприятным.

– У меня другая печаль, – наконец ответил Коснятин. – Я при тебе, княже, хочу долг взыскать.

– Долг? Коли все по правде, отчего же не взыскать? – ответил ему Приспей. Старый кормилец видел, что Коснятин пришел с чем-то важным и неприятным. – А ответчик-то твой здесь?

– Ответчик мой здесь. Вингол передо мной в долгу.

Вслед за Коснятином Вышеслав посмотрел на Ингольва, сидевшего на скамье напротив среди варягов из дружины княгини Малфриды. Услышав свое русское имя, Ингольв прервал беседу и посмотрел на Коснятина.

– Я перед тобой в долгу? – медленно, с подчеркнутым удивлением спросил он. – Не помню, чтобы я брал у тебя что-то.

У всех в гриднице были недоумевающие лица. Все знали, что Ингольв и Коснятин не дружат и одалживаться друг у друга стали бы в самую последнюю очередь.

– А велик ли долг? – осведомился Столпосвет.

– Куна.

– Куна? – изумленно повторил Вышеслав. – И с таким-то долгом ты княжьего суда просишь?

– Я должен тебе куну? – уточнил Ингольв.

Лицо его оставалось спокойным, но он уже понял, что весь этот разговор затеян неспроста. И скрытая злоба на лице давнего неприятеля была ему хорошо заметна.

– Видишь, не сознается! – Коснятин повернулся к Вышеславу. – Может, ты, княже, мне за него долг вернешь?

– Куну-то? – недоуменно повторил Вышеслав. – Как же не вернуть?

– Ведь это ты должен был заплатить, – продолжал Коснятин. – Ты обещал тому две куны дать, кто укажет, где варяжский лиходеи скрывается. Одну куну я заплатил. Вторая с Вингола. Ведь на его дворе тот лиходеи сидит!

По гриднице пронесся возглас, Сурия вскочил.

– Кто тебе это сказал? – невозмутимо спросил Ингольв, словно не замечая общего удивления и негодования чудин. – Ты обвиняешь меня в долге, но где твои послухи? Ты видел тот человек на мой двор?

Только русская речь Ингольва, которая стала хуже обычного, давала понять, что он не остался так равнодушен, как хотел показать.

– Его видел там один человек, – ответил Коснятин, твердо глядя прямо в лицо варягу.

– Где он? Почему он не придет и не скажет это сам? Или он не смеет повторить перед князем навет, который сказал тебе?

– Моего слова достаточно.

– Нет, если ты не видел сам.

– Так правда он у тебя? – вмешался князь Вышеслав.

Дело принимало дурной оборот. Это было самое сложное из всего, с чем Вышеслав успел столкнуться за время своего княжения.

– Пусть Коснятин назовет человека, который обвиняет меня! – потребовал Ингольв. Веки его поднялись, глаза блеснули – меч, давший ему прежнее прозвище, показался из ножен.

– Это холоп, – вынужден был сознаться Коснятин, на миг опустив глаза.

– Холоп? – раздельно, с презрением повторил Ингольв. – Так ты обвиняешь меня со слов холопа?

Приспей и Столпосвет покачали головами. Не только мудрые бояре, но и самый бестолковый отрок, изредка сидевший у дверей во время княжеских судов, знал, что обвинять со слов холопа можно только в мелкой краже, и то если холоп – тиун или ключник.

– Я знаю, почему Коснятин верит холопу, – презрительно продолжал Ингольв. – Но я не потерплю, чтобы холоп меня обвинял. Мой отец не чистил конюшни у князя! ⁵

В тот же миг Коснятин встал, схватившись за рукоять меча; Ингольв порывисто шагнул ему навстречу. Княжеские гриди, вскочив, в несколько рук вцепились в плечи Коснятина, и Ингольв остановился, держась за меч.

– Княже, ведь твою родню позорят! – негромко подсказал Взороч, но так, что Вышеслав не мог пропустить этих слов мимо ушей.

Закусив губу, он сжал подлокотники кресла, учащенно дышал и не знал, на что решиться. Он тоже не пропустил намека Ингольва насчет конюшни: ведь это его, Вышеслава, бабка Малуша, сестра Добрыни, тоже была холопкой. Сам Вышеслав никогда не видел своей бабки, но оскорбление относилось и к нему. Князь Владимир очень не любил вспоминать о своем происхождении и не прощал, когда ему об этом напоминали.

– Тише, тише, люди добрые! – вмешался епископ Иоаким, подвижный, кудрявый черноволосый грек с быстрыми блестящими глазами. Еще восемь лет назад, во время крещения Новгорода, он показал себя храбрецом не хуже иного воеводы и потом не раз совался между молотом и наковальней. – Сам Христос в хлеву родился, а возвышен навеки выше всех князей! – успокаивающе заговорил грек, встав между Ингольвом и Коснятином. – Ты, княже, не спеши решать, разберись толком. Тебе скоро на рать идти и этих всех молодцев вести – не дай им меж собой перессориться.

⁵ Намек на происхождение отца Коснятина – Добрыни, якобы бывшего когда-то конюхом.

– Если Гуннар Хирви у него, ты должен взять его! – требовал Суря, злобно глядя на Вышеслава. – Мы платим тебе дань, ты должен заступиться за нас! А то все люди узнают, что наша дань пропадает даром! Князь Владимир не дал бы варягам обидеть нас!

– Поклянись, что Гуннара нет у тебя на дворе! – сказал Вышеслав, глядя на Ингольва. Напоминание об отце побороло его нерешительность. Князь Владимир не стал бы молча ждать, чем все кончится.

– Пусть Коснятин или другой свободный человек поклянется, что Гуннар есть у меня на дворе, – так же спокойно ответил Ингольв, не снимая ладони с рукояти меча. – А потом боги рассудят нас. Железо и вода хороши для низких людей. Знатным людям боги дали оружие.

– Пригласил бы ты меня в гости, Винголе, – среди общего ропота прозвучал голос боярина Столпосвета. И все поняли, что содержали в себе эти мирные слова.

– Ты мудр и не войдешь в дом человека, которому не доверяешь, – ответил Ингольв. – Князь верит или мне, или рабу. Если он верит рабу, никто из людей не пойдет в мой дом.

– Дай мне сие дело уладить, княже! – снова вмешался Иоаким. – Воеводы и бояре у тебя горячи, с мечей рук не спускают, того гляди до греха дойдут. А меня Бог наставит миром дело решить. Утро вечера мудренее, так говорят, да?

Вышеслав обернулся к Приспею, у которого по привычке первого спрашивал совета. Кормилец кивнул, он тоже не видел мирного выхода. Пусть уж бискуп разбирается, коли его Господь больше всех умудрил.

В этот день в гриднице было сумрачно, словно под кровлей повисла темная туча. Коснятин и Ингольв оба ушли – они не могли больше сидеть за одним столом даже в княжьих палатах.

Когда Ингольв выходил с княжьего двора, его догнал епископ Иоаким.

– погоди, воевода, я с тобой пройду! – предложил он.

Ингольв молча пожал плечами. Встречные с удивлением оглядывались им вслед: впереди шли рядом варяжский сотник и епископ, которых нечасто видели вместе, а за ними следовали больше десятка варягов из Ингольвовой дружины. Он никого не звал с собой, но варяги решили, что после такого разговора в гриднице ему было бы глупо ходить одному.

– Ты хочешь помирить меня с Коснятином? – напрямик спросил Ингольв. Он никогда не славился разговорчивостью, а теперь ему больше хотелось побыть одному и подумать. – Ты умный и достойный человек, Иоаким, и в споре с кем-то другим я охотно принял бы твою подмогу. Но с Коснятином нас не помирят даже сами Один и Крестус.

– Отчего же? Ты так обижен, что Добрыня не выдал за тебя свою дочь?

Ингольв равнодушно покачал головой. Он смотрел на дорогу перед собой и не оглядывался на торопящегося рядом епископа.

– Тем и худо быть худым, что чего только ему ни приписывают! – на родном языке проговорил он, и Иоаким сочувственно закивал: он неплохо понимал северный язык, хотя говорить на нем не пытался.

– погоди, ты идешь очень быстро! – Едва поспевая за широко шагающим Ингольвом, епископ изредка хватал его за локоть, припрыгивал на ходу, путаясь в длинных полах черного одеяния. – Или ты очень спешишь домой?

Забегав вперед, Иоаким заглянул в лицо Ингольву, склонил голову набок.

– Может, я тебе докучаю? – виновато спросил он.

Несмотря на свое высокое положение, епископ всегда имел застенчивый вид, как будто боялся кому-то досадить своим присутствием. Но в Новгороде его любили, потому что он был мягким, дружелюбным человеком и умным советчиком. Случалось, что с этим самым застенчивым видом он ввязывался в очень опасные дела, и тогда его робость не имела ничего общего со страхом. Внимательно прислушиваясь, как говорят люди вокруг него, Иоаким на восьмом году жизни среди славян говорил на их языке так чисто, что какой-нибудь слепец, не видя кудрявой черной бороды и крупного носа с горбинкой на смуглом лице, не угадал бы в нем чуже-

земца. Епископ ухитрился быть в мире со всеми – и с Добрыней, и с княгиней Малфридой, и с Коснятином, и с варягами, и с боярами, и с простыми новгородцами торговых и ремесленных концов. Он никому не навязывался с наставлениями о своем Боге, но и самого Христа многие начинали больше уважать, видя, что ему служит такой хороший человек.

– Ты его прости! – просил епископ, стараясь приноровиться к широкому шагу рослого svea. – Слаб человек – хотел бы недружбу забыть, да дьявол не дает! Коснятин ведь, помнишь ли, Столпосветову дочь старшую за себя хотел взять, а княгиня ее за ладожского варяга сосватала. Да о купцах вы давеча раздорились, да на лову тогда не поладили... Вот ему теперь и мнится, что хуже тебя злодея на всем свете нет. Ты ведь старше, на волнах покачался, в скольких битвах бывал, тебе ли на него обижаться?

Слушая епископа одним ухом, Ингольв старался угадать, кто же выдал Гуннара. Его видели только Бьярни и Рауд, но в них Ингольв был уверен, как в самом себе. Они не так глупы, чтобы за жалкий дирхем продать своего жоака. Коснятин сознался, что говорит со слов раба. Перебирая в уме свою немногочисленную челядь, Ингольв дошел до дома и обнаружил, что епископ, о котором он почти забыл, так и не отстал, а все еще семенит возле него.

– Раз уж ты был так добр и проводил меня до дверей, то окажи мне честь, зайди ко мне, – попросил его Ингольв перед воротами.

Он не сомневался, что епископ хочет сделать то же самое, о чем в гриднице упомянул Столпосвет, – самому посмотреть, нет ли у него в доме Гуннара. Пусть уж лучше это будет епископ. Пропуская Иоакима вперед, Ингольв незаметно усмехнулся поверх головы грека: пусть посмотрит. Он строго приказал Гуннару сидеть наверху, в повалуше, и не спускаться, пока он сам не позовет своего непрошеного гостя.

Ингольв провел епископа в большую клеть, где принимал своих редких гостей, велел холопам принести меда. Пришедшие с ним варяги расселись по лавкам, кто-то устроился в сенях, несколько человек остались во дворе. Один из молодых воинов, стройный парень с шелковистыми волосами такой длины, что ему приходилось заправлять их сзади за пояс, постоял немного возле двери в клеть, послушал разговор Ингольва и епископа, а потом вышел в сени и поднялся по лесенке в повалушу. Ни одна ступенька не скрипнула под его ногой.

В повалуше грудой лежало старое сено. Парень окинул его взглядом и негромко свистнул.

– Эй! Где ты там? – шепнул он. – Я – Вальбранд, мне сам Ингольв рассказал о тебе. Я – его названный сын, он мне доверяет.

Сено безмолвствовало. Однако Вальбранд чувствовал присутствие человека, чье-то еле заметное живое дыхание, и продолжал:

– Можешь не показываться, но слушай меня. Конунг знает, что ты здесь, и все его люди тоже. Какой-то подлый раб тебя выдал. Делай что хочешь, но мы не желаем, чтобы нашего жоака убили из-за тебя. Ингольв не посылал меня сюда сейчас, он верен своему слову и не выдаст тебя конунгу. Но если финны не перестанут жаловаться и требовать твоей выдачи, мы сами выкинем тебя отсюда. Мы тебе ничего не обещали, а другого Ингольва нам никто не даст. Ты все понял?

Сено молчало. Вальбранд ждал, думая, что не так-то трудно было бы найти под этим сеном человека, – достаточно потыкать копьем. Человек, может, и промолчит, но на копье останется кровь.

В дальнем углу сено зашевелилось, и из него показалась голова. Сухие травинки набились в разлохмаченные, давно не мытые волосы, по цвету почти не отличавшиеся от сена. Вальбранд усмехнулся – точь-в-точь Сенный Троль, которым его в детстве пугала рабыня-нянька.

– Какой раб меня выдал? – прошептал Гуннар, настороженно глядя на Вальбранда. Тот пожал плечами.

– Ты правда сделаешь все, чтобы избавить Ингольва от беды? – снова спросил Гуннар.

– Он меня воспитал, – просто ответил Вальбранд. – У тебя когда-нибудь был воспитатель, Сенный Гуннар? Да нет, пожалуй, где тебе! Едва ли твой род настолько высок, чтобы тебя взялся воспитывать достойный человек.

Гуннар хотел ответить какой-то резкостью, но прикусил язык. Из клетки кто-то вышел, через открывшуюся дверь на миг прорвался голос епископа.

– Меня видели вчера двое ваших людей и раб, – шепнул Гуннар, когда все снова стихло. – Ингольв назвал его Бородой.

– Борода? – Вальбранд на миг задумался. – Я к нему не приглядывался, но не удивлюсь, если это он.

– Где эта мразь? – Гуннар резко вскочил и стал торопливо сбрасывать с себя сено. – Я убью его!

– погоди, пока уйдет епископ, – посоветовал Вальбранд. Голос его звучал по-дружески, но при этом он надежно заслонял ход к лестнице.

– Глупец! – раздраженно прошипел Гуннар. – Твой воспитатель гораздо умнее тебя! Именно сейчас, пока у него сидит епископ!

Мгновенно оценив его правоту, Вальбранд посторонился и первым стал спускаться. В сенях он огляделся: тут находились только Бьярни и Рауд. Подняв голову, Вальбранд негромко свистнул, и Гуннар спустился в сени, на ходу очищая волосы и одежду от прилипших травинок. Вальбранд кивнул ему на другую дверь, ведущую на задний двор, и сам открыл ее. Выглянув и убедившись, что никого из чужих на заднем дворе нет, – да и откуда бы им взяться? – Вальбранд вышел, за ним Гуннар, а Бьярни остался у двери.

На тесном заднем дворе имелось всего три постройки: маленький погребок, конюшня и небольшая клеть, где прежний хозяин двора, мелкий торговец, хранил свои товары. При Ингольве в этой клетке поселилась его челядь. Заглянув в дверь, Вальбранд по привычке свистнул.

– Эй, Барт! – по-словенски позвал он. – Ты здесь?

– Здесь, господине! – Хлоп мгновенно выскочил за порог, низко кланяясь. – Чего тебе надобно?

Внезапно выступив из-за спины Вальбранда, Гуннар схватил мужика за горло и притиснул к стене клетки, заставив поднять голову. При виде Гуннара мужик выпучил глаза, а его лицо с задравшейся бородой наполнилось страхом – и этот страх его выдал.

– С-собака! Грязный раб! Навозное корыто! – шипел Гуннар, крепко сжимая горло мужика. – Ты донес на меня конунгу?

Он говорил на северном языке, которому Борода за три года жизни у Ингольва так и не выучился, но ненависть в глазах варяга была такой явной, что мужик понял: о его доносе все известно. Даже не пытаясь вырваться, он хрипел, то ли оправдываясь, то ли умоляя о пощаде. Не слушая, Гуннар выхватил с пояса нож с резной костяной рукоятью – такими ножами славились чудские кузнецы с Шексны. При виде ножа мужик захрипел громче, забился, лицо его побагровело, в горле забулькало. Озадаченный Гуннар ослабил хватку, мужик согнулся, закашлялся, и изо рта его на землю выпала стертая серебряная монета – дирхем.

– Недорого же он за тебя взял! – сказал Вальбранд, носком башмака презрительно поддев монету.

– Вот что! – Гуннар снова взял мужика за шиворот и поднял концом клинка его подбородок. – Заработай еще один дирхем. Сейчас ты пойдешь к тому финну, который хочет моей смерти, и скажешь ему, что знаешь кое-что новое. Но скажешь только ему одному. Пусть он выйдет с тобой с конунгова двора. Я укажу тебе куда. Пойдешь сейчас, и пошевеливайся, если хочешь пожить еще немного. Ну?

Опустив нож, Гуннар оттолкнул мужика. Тот засипел, не в силах выговорить ни слова.

– Ступай! – Гуннар кивнул в сторону ворот.

И мужик пошел, пошатываясь после пережитого ужаса, на каждом шагу оглядываясь на Гуннара. Вальбранд усмехнулся, покусывая кончик длинной пряжи. Сенный Гуннар, похоже, выучит Бороду северному языку.

– Возьми у Бьярни плащ и шапку, – посоветовал Вальбранд вслед Гуннару.

Вся эта затея казалась ему безрассудной, но не так уж плохо для человека, которому недолго осталось бы жить.

После полуночи княгиня Малфрида вдруг проснулась, открыла глаза и посмотрела в темноту. Было тихо, только девка посапывала во сне на подстилке возле порога. Тишина стояла такая, что княгине казалось, будто она слышит насквозь все палаты княжеских хором, от повалуш до погребов. А перед взором ее стоял сон, который она только что видела. Сон, каких боги не посылают зря.

Ей привиделась такая же ночь, как эта, настоящая. Во сне она тоже проснулась среди тишины и темноты, но встала с постели и вышла на крыльцо. Перед ней расстилось ровное поле, как будто не было ни двора с его постройками, ни ворот, ни города за воротами, ни даже широкого Волхова. Неоглядное поле заливала густая серая тьма. Вдали в этой тьме вдруг загорелся огонек. Он рос, приближался, пока не превратился в огромное огненное колесо. Внутри этого колеса скакал всадник на сером коне. На нем был серый плащ, его голову покрывал серый капюшон-худ, каких не носят на Руси, а только в северных странах, в Свеаланде, на родине Малфриды. Лица всадника она не видела, а в руке он держал горящую ветку. Из-под капюшона доносился глухой голос, повторяющий слова тягучей песни. Песня эта отпечаталась в памяти княгини, словно ее вырезали рунами и окрасили кровью.

Скачет мой конь,
Серая грива;
Злобные козни —
Огонь на ветру!
Пожар я несу
Матери Тора⁶;
Злобные козни —
Огонь на ветру!

Проскакав мимо княгини, всадник вдруг размахнулся и бросил свою ветку на север. Молнией промчавшись под тусклым серым небом, пылающая ветка скрылась за линией небосклона, и оттуда мгновенно взвилась стена пламени. А всадник исчез, словно тень.

Княгиня Малфрида была умной женщиной, но не звалась ясновидящей. Никогда прежде ей не случалось видеть вещих снов. Огромны же несчастья, ожидающие землю, если боги послали этот сон ей!

Едва дождавшись утра, княгиня пошла к сыну. Из верхних сеней ей навстречу выскочила какая-то из девок, в одной рубахе, нечесаная, и закрыла лицо рукавом от глаз княгини. Но Малфрида даже не заметила ее.

Вышелася еще не встал, но при виде матери торопливо сел на лежанке.

– Матушка, что с тобой? – встревоженно спрашивал он, протирая глаза. – Или беда какая?

– Да, я видела сон, – заговорила княгиня.

Сев на край лежанки рядом с сыном, она взяла его руки в свои и сильно сжала. Сейчас она горячее прежнего жалела о том, что всю жизнь, с двухлетнего возраста, ее единственный сын прожил вдали от нее и теперь они почти чужие друг другу. Поймет ли он ее, поверит ли ей?

⁶ Мать Тора – богиня Йорд, то есть земля.

– Я видела сон! – повторила княгиня. Песня серого всадника стояла у нее в ушах, и она с трудом подбирала русские слова. – Я видела всадника на сером коне – у меня на родине серый конь предвещает смерть. Он вез горящую ветку и бросил ее на полночь, и там полыхнул такой огромный огонь, как будто уже настала Кончина Мира. И он пел песню о том, что везет большое зло земле.

Княгиня замолчала, а Вышеслав растерялся. Он с готовностью помог бы матери, но спросонья не понимал, чего же она от него хочет.

– Я знаю, какой разговор велся вчера в гриднице, – собравшись с мыслями, продолжила Малфрида. – Я знаю, что много людей в Новгороде желают зла Ингольву. Но помни: Ингольв первый поддержал тебя, когда отец назвал тебя князем. У тебя нет воинов вернее, чем дружина Ингольва. Многие в Новгороде хотят видеть на твоём месте Коснятина. И только варяги будут верны нам с тобой всегда. Добрыня не любил меня и рад был бы от меня избавиться.

Княгиня вздохнула, вспомнив свои прежние беды, и снова сжала руки сына.

– Помни: ты должен беречь тех, кто верен тебе! – как заклинание, повторила она. – Многие говорят, что варягам нельзя верить, потому что они идут в битвы за серебро. Но они никогда не предадут того, кто дает им серебро и кому они клялись в верности. Коснятин сам хочет сидеть в Новгороде на твоём месте. Ингольв всегда будет верен тебе. Помни, что тебе сказала твоя мать.

В горницу заглянул отрок.

– Княже! Княгиня! – позвал он, торопливо отмахнув поклоны им обоим. – Белозерский посадник пришел, говорит, важные вести!

– Да погоди ты! – досадливо бросил ему Вышеслав. – Прости, матушко!

Он поспешно оделся, обулся, злым рывком затянул пояс, отмахиваясь от парня, который все совался помогать. Растрепав и кое-как уложив пальцами волосы, чтобы не тратить времени на поиски гребня, Вышеслав тряхнул головой.

– Зови!

Отрок исчез, и тут же через порог шагнул Взороч.

– И ты здесь, княгиня! – воскликнул он, увидев Малфриду.

В первый миг на его лице мелькнуло недовольство, но тут же сменилось угрюмой решимостью: пусть узнает сейчас, все равно не миновать. Вышеслав и Малфрида даже не ответили на его приветствие – лицо Взороча показалось им зловещим продолжением страшного сна.

– Слушай, княже! – начал Взороч с прямоотой, за которую его ценил и князь Владимир. – Чудина-то нашего, Сурю, зарезанным нашли!

До прихода князя Взороч, на которого первым наскочил обнаруживший Сурю отрок, велел ничего не трогать. Чудин так и лежал в тенистом углу за тыном княжьего двора, уткнувшись лицом в землю, и по неподвижности его спины и затылка всякий понимал: солнца ему больше не видать. Он был мертв, как бревна тына, как камни и земля. В спине его под лопаткой торчала рукоять ножа из резной кости – работа шекснинских кузнецов.

– Да у пол-Новгорода такие ножи! – негромко переговаривались гриди, стоявшие поодаль. – На торгу навалом. Вон, у Любима такой же!

– Чего «Любим»? Как что, сразу Любим! – обиделся плотный рыжий парень, схватившись за резную рукоять у себя за поясом. – Мой нож – вот он! Я чудинов ночами не режу! На кой леший они мне сдались!

Вышеслав, глядя на рукоять ножа, на черноватую лужу засохшей крови возле головы мертвеца, на руку с полусжатыми пальцами, порадовался, что убитый лежит лицом вниз. К восемнадцати годам Вышеслав не раз бывал в битвах и не боялся смерти, но очень не любил смотреть на мертвецов. А этот мертвец казался ему камнем на собственной шее – как будто он сам его и убил.

– Приберите, – коротко бросил он, повернулся и пошел прочь.

– Ты можешь не искать убийц, – говорила княгиня Малфрида. – Здесь нет никого из его родичей. Никто не просит мести, никто не жалуется. Что тебе за дело до него?

– Одно дело, оно да, – приговаривал Приспей, поглаживая бороду, и по этим движениям, по неспешной речи видно было, что кормилец молодого князя неприятно озадачен. – Нет жалобщика – и тяжбы нет. А коли Кос... коли кто полезет, так можно его от ворот – не твое, мол, дело...

– Я от бискупа Акима мудрость слыхал: коли случилось злое дело, так ищи, кому оно прибытка принесет, – говорил боярин Столпосвет. – А в сем деле выгода одному Винголу.

– Сын мой, ты помнишь, что я говорила тебе утром? – воскликнула княгиня. – Мой сон к несчастью! Помни, что я тебе говорила!

Вышеслав едва удержался от того, чтобы не сжать голову руками, заткнуть уши, никого не слушать и навсегда забыть обо всем. А он, дурной, еще мнил, будто хорошо князем быть – знай себе бейся в поле, раздавай добычу да слушай песни на пирах! Ни одна битва еще не давалась ему так тяжело, как полмесяца княжения. Княжья шапка оказалась тяжелее каменной жертвенной чаши, которую он однажды видел по пути сюда на чудинском капище. Вот будто с этой чашей на плечах он и прожил эти полмесяца. И врагу своему он не пожелал бы такого. Ой, хоть бы знать теперь, кто ему враг, а кто друг!

– Я послала за Ингольвом! – сказала княгиня. – Не годится обвинять человека и не давать ему оправдаться!

– Все беды от варягов! – непримиримо восклицал Коснятин, даже не стесняясь княгини. – Чего они нам стоят! Сколько прокорму им даем, какие хоромы у них! А деньги! Триста гривен в год! А они еще люду нашему жить не дают! Прошлой осенью какие беды были – чуть до битвы не дошло!

– Прошлой осенью твой отец не хотел платить им! – яростно возражала княгиня.

– А за что платить? – поддержали Коснятина еще несколько бояр. – Во весь год никакой войны не было, вся дружина Винголова лето и зиму на боку пролежала! За что платить? Прокорм даем – и довольны с них!

– Уговор дороже денег – ведь так у словен говорят? Посмотрела бы я, как бы тебе смерды в селах отказались прокорм давать, – дескать, войны не было!

– Ну, ты, матушка, скажешь!

Со двора послышался негромкий гул. Все в гриднице перестали спорить и посмотрели на двери. Вошел Ингольв, такой же, как всегда, в красном плаще с золотой отделкой на груди. Говорили, что это подарок княгини Малфриды. Следом за Ингольвом шел его приемный сын Вальбранд и двое хирдманов-телохранителей – Бьярни и Рауд. Ингольв шел ровной, уверенной походкой человека, которому нечего бояться и нечего стыдиться.

– День тебе добрый, княже! – произнес Ингольв среди общей тишины. – Будь здорова и ты, княгиня! Ты звала меня?

– Я звала тебя! – горячо воскликнула княгиня. – Ты не такой человек, Ингольв, сын Асбьерна, чтобы позволить порочить тебя за твоей спиной. Ты знаешь, что Суря найден убитым?

– Я знаю. – Ингольв невозмутимо кивнул, и десятки глаз, впившихся в его лицо, не могли прочитать на нем ровно ничего. – Но зачем звать меня? Я ему не родич, и не моя забота – завязывать ему башмаки Хель.

– Однако тебе одному была нужна его смерть! – Коснятин вскочил со скамьи и шагнул к Ингольву. – Что ты скажешь на это?

Ингольв посмотрел в его гневное лицо, так напомнившее в этот миг старого Добрыню, а потом перевел взгляд на Столпосвета.

– Ты, Столпосвете, самый мудрый человек здесь. Ты лучше всех знаешь правду. Скажи мне, неученому гридю, сколько виры платит человек за поклеп? А то у сына Добрини ярла завелось много лишнего серебра. В этом он не похож на своего отца.

– Поклеп? – злобно повторил Коснятин, не давая Столпосвету ответить. – Поклеп? От поклепа Божьим судом очищаются, не словесами складными!

– Я не был здесь, когда нашли мертвого, – сказал Ингольв, будто не замечая ярости Коснятина. – Я не видел, кто вынул оружие из тела. Это сделал ты? – Он наконец повернулся к Коснятину и в упор посмотрел на него. Веки его приподнялись, и взгляд уперся в Коснятина, как стальной клинок. – А если нет, то почему ты так хочешь мстить за него? Ты ему родич? И почему ты хочешь мстить непременно мне?

– Потому что ты бранился с ним вчера!

– Я не знаю, кто бранился с ним, но это был не я. Его род недостаточно хорош для того, чтобы я бранился с ним.

– У тебя на дворе прячется его ворог!

– Это тебе сказал холоп. Позови бискупа Иоакима, он вчера был у меня на дворе. Пусть Иоаким скажет, видел ли он там чужих людей. Кому тыверишь, княже, бискупу или рабу?

Ингольв посмотрел на Вышеслава. Молодой князь сидел бледный и не разжимал губ. Он мучительно стыдился своего желания, чтобы все это как-нибудь разрешилось без него. Ему задавали вопросы, на которые он не мог ответить. Даже Столпосвет молчит. Если бы с княжьей золотой гривной еще и ума прибавлялось!

– Зовите бискупа, – отрывисто велел Вышеслав отрокам. Всеми силами он старался скрыть растерянность и был доволен, что на него мало кто смотрел сейчас.

Иоаким явился быстро и охотно подтвердил, что приходил к Ингольву, что хозяин сам позвал его в дом и просидел с ним до самой ночи. Под ловкими руками грека дело быстро завертелось и побежало, как весенний ручей. Созвали и опросили отроков и челядь, нашли того, кто последним видел Сурю живым. Ключник рассказал, что в сумерках к Суре пришел чей-то холоп и шепотом отозвал в сторону, а потом они вместе ушли за ворота. А Ингольв в это время сидел с епископом за медом, и, уходя, памятливым епископ приметил на дворе и его названного сына, и ближних гридей – всех, кому Ингольв мог бы доверить такое дело. Постепенно общее напряжение спало, люди заговорили свободнее, все дело показалось не таким уж страшным. И только Коснятин и Ингольв оставались стоять друг против друга, как две глыбы льда в этом весеннем ручье.

– В северных странах говорят: кто дружит с рабом, не кончит добром, – заметил наконец Ингольв. – Ты все еще хочешь мстить мне, Коснятин, сын Добрини?

– Пусть ты сам нож не трогал, но все равно головника ты послал! – непримиримо бросил Коснятин. – Тебе он мертвым был нужен!

– Ты опять назвал меня способным на подлое дело! – негромко произнес Ингольв, но Вальбранд, хорошо его знавший, внутренне собрался, предчувствуя беду. – Если ты так хочешь, пусть нас судят боги. Про меня никто не скажет, что я боюсь их суда.

Коснятин поднял руку к шапке, намереваясь бросить ее об пол и тем просить поля⁷, но епископ с резвостью мальчика подскочил к нему и схватил за руку:

– Опомнись, Добринич! Княже, не вели им! Слушайте меня, люди! Уймись! Ни Суря тот несчастный, ни варяг беглый вашего поединка не стоят. Княже, они ведь друг друга живыми не пустят, а тебе большая беда будет что одного потерять, что другого!

– Мы достаточно слушали тебя и других, – ответил ему Ингольв. – Наши языки довольно потрудились, пришло время для наших мечей. И ты, и все люди знают: Коснятин зол на меня не за того финна, до которого нам обоим нет дела. Если князь не хочет оберечь меня от бесчестья,

⁷ Поле – здесь: судебный поединок.

я это сделаю сам. Но не такой чести я ждал от тебя, конунг Висислейв, когда обещал верно служить тебе!

Слыша это, Вышеслав от стыда опустил глаза, закусил губу, бессловесно молясь, чтобы Перун или Христос наставили его на ум, научили, что теперь делать. Столпосвет и Коснятин правы: смерть Сури шла на пользу только Ингольву, чтобы больше никто не обвинял его в укрывательстве Гуннара и не требовал схватить лиходея. Нет жалобщика – нет и тяжбы. Но и Ингольв прав: Коснятин не родич Сури, чтобы мстить за него. И мать права в том, что Ингольв и варяги первыми поддержали его во князьях. Ингольв – соплеменник Малфриды и вернейшая ее опора. Северные люди не предадут конунга, который им платит. А он их? Вышеслав был растерян, и ему казалось, что позволить Коснятину и Ингольву биться – значит согласиться с обвинением, все равно что предать варяга. А как идти против своих?

– Ты, княже, как знаешь, а я свое слово скажу, – с заметным вздохом, но твердо выговорил Столпосвет, поднявшись на ноги и опираясь на навершие своего узорного посоха, словно ему тяжело стоять. – Хоть варяжская дружина и сильна, а все же наибольшая твоя сила не в них. Сколько их ни есть, а в Новгороде людей больше, и ратной храбростью словены варягам не уступят. Не гневи своих, за чужих заступаясь. Тебе со дня на день в поход идти. Подумай, кого с собой возьмешь, кто с тобой в битву пойдет. А коли в твоей дружине согласия не будет, сие только врагам на радость.

– К тому, я разумею, боярин речь ведет, что нельзя обоим им в дружине твоей оставаться, – заговорил Приспей, видя, что молодой князь не отвечает на речь Столпосвета. – И коли хочешь ты от раздора уберечься, то с одним из молодцев удалых проститься придется.

Вышеслав молчал, а все в гриднице посмотрели на Ингольва.

– Не такой чести я ждал от тебя, княже, – повторил Ингольв, чувствуя все эти взгляды. – Видно, правду говорят на моей родине: чести можно просить только у того, у кого ее много. Если я не нужен тебе, то меня не придется гнать силой. Я уйду и прошу тебя только об одном: не мешай тем, кто захочет уйти со мной, и заплати тем, кто дослужил полный год.

Вышеслав сделал знак тиуну, хранившему ключи от серебряной казны. Он был рад хотя бы тому, что все решилось без него. Скорее бы в поход! Самая тяжелая секира покажется ему легче, чем эти ненавидящие взгляды и полные яда слова.

Ингольв повернулся и пошел к дверям. На пороге он обернулся, и взгляд его ударил Вышеслава, как блеск клинка у самого горла.

– У нас еще говорят: недолго радуется рука удару, – сказал Ингольв. – Как бы тебе не пожалеть о том, что ты так плохо отплатил мне за мою дружбу.

– Ты князю-то не грози! – крикнул Взороч ему вслед.

Но Ингольв уже ушел, не услышав, и его последние слова остались висеть в гриднице, словно чья-то рука вырезала их на стене и окрасила кровью. Недаром Ингольв, сын Асбьерна, получил когда-то свое второе прозвище – Трудный Гость.

Прямо из княжеской гридницы Ингольв направился на Парамонов двор – самое старое подворье для варяжских торговых гостей, где юный князь Владимир почти двадцать лет назад разместил дружину, которую привел из-за моря, получив ее в приданое за юной княжной Малфридой. Объявив о том, что уходит из Хольмгарда, Ингольв позвал всех верных ему воинов с собой.

– Нас больше не хотят держать здесь, потому что нет войны! – сказал он. – Здешнему конунгу не нужны наши мечи! Но клянусь Отцом Ратей – мы найдем другого!

И десятки голосов ответили ему согласным криком, десятки мечей со звоном ударились о выпуклые умбоны щитов.

Почти ночью Ингольв вернулся на свой двор. Оставив людей сторожить на дворе, он сам поднялся в повалушу и вызвал из-под сенного вороха Гуннара.

– Я уйду из Хольмгарда, – коротко сказал Ингольв. – Хоть меня и зовут Трудным Гостем, а все же я никогда не доставлял своим хозяевам столько бед, как ты мне. Ты плохо платишь за гостеприимство. Я видел тот нож в спине у финна и узнал его. Хоть тебя и не нашли, мне не кажется, что ты человек удачливый. Я не возьму тебя с собой. Слезай да получше спряхни с себя сено. Еще до рассвета ты уйдешь из моего дома.

Не отвечая, Гуннар выбрался из-под сена и вслед за хозяином спустился вниз. Ингольв велел дать ему еды и другую одежду и проводил до ворот.

– Все же я благодарю тебя за гостеприимство, – произнес Гуннар на прощание. – И попрошу только об одном: не рассказывай никому, как я прятался у тебя под сеном.

Ингольв молча кивнул, и Гуннар без слов исчез в густой тьме. Летняя ночь коротка, и ему нужно было успеть уйти подальше.

– Ха! – негромко воскликнул Вальбранд, послушав, как затих скрип воротной створки. – Можно убежать от врага, но нельзя убежать от позорной славы. Теперь у него будет новое прозвище – Сенный Гуннар.

Ингольв не ответил.

Поход пришлось ненадолго отложить – бояре не советовали оставлять Новгород, пока все не успокоится после событий с чудинном и варягами. Вместе с Ингольвом собирались уходить около сорока человек, и серебряная казна Вышеслава заметно полегчала: в начале лета исполнялся год службы у многих, кто когда-то отплыл от берегов Норэйга и Свеаланда после схода льда. Отдать пришлось почти десять гривен, а перед новым походом это совсем нелегко. Но отказать Вышеслав не мог: к справедливой расплате за службу его побуждали и собственная совесть, и настояния матери. Вышеслав совсем недавно обрел мать после разлуки длиною во всю жизнь и не мог решиться отказать ей в чем-то.

Свой двор Ингольв поручил епископу: велел продать, а деньги прислать ему на остров Готланд, где у него имелись надежные люди. Челядь он отпустил на волю. В последние дни перед отъездом Ингольва Иоаким почти не отходил от него, и это было вовсе не лишним. Весь Новгород гудел недовольством, вслед за Коснятином веря, что именно варяги убили чудина, пришедшего к князю за помощью. Постоянное присутствие епископа не давало новгородцам задеть Ингольва, а иначе прощание могло бы превратиться в побоище.

На четвертый день после памятного разговора в гриднице Вышеслав зашел к матери. Княгиня сидела в горнице, опустив на колени вышивание, и смотрела куда-то перед собой.

– Отплыли, – уныло сказал Вышеслав.

Все эти дни он чувствовал себя виноватым перед матерью, хотя Приспей, Столпосвет и Взороч в один голос уверяли его, что поступить иначе никак нельзя.

Княгиня молча кивнула, не поднимая глаз. Приглядевшись, Вышеслав заметил на ее щеке блестящую мокрую дорожку. Смутившись, он отвел взор. Он не знал, в какой мере Ингольв Трудный Гость был дорог его матери, двадцать лет лишенной родины, мужа и сына, и все же ему казалось, что он предал ее саму.

– Так правда, что ты дала им серебра? – спросил он. – Зачем? Я же со всеми велел расплатиться. Гридям по гривне на восьмерых и Винголу две гривны.

– Твой отец дал мне три села, и я вольна тратить свое серебро как хочу! – немного резко ответила княгиня. – Я дала Ингольву денег, чтобы он мог в Ладоге купить себе корабль. Он хочет вернуться на родину. Ах, как бы я хотела поехать с ним! – вдруг воскликнула Малфрида и закрыла лицо руками. – Ведь у меня и у него одна родина – Уппланд, озеро Лёг! А здесь я одна, я покинута мужем, и даже мой сын не хочет меня слушать!

– Ну, матушка... – виновато произнес Вышеслав. Подойдя, он хотел обнять ее за плечи, но не смел – он еще не привык к тому, что эта красивая женщина со строгим белым лицом – его мать. – Как же «одна»? А я?

Княгиня опустила руки; лицо ее оставалось спокойным, даже следы слез исчезли. Глядя через окошко на полоску серого неба, она тихо заговорила на северном языке, повторяя стихи, которые сами сложились сегодня в ее сердце:

Тяжкие вести: изгнан
Конунгом клен секиры.
Пир валькирий готовит
Волка отец ненасытный.
Скоро изведала тяжкие
Горести липа запястий.
Навек потеряла радость
Мать дробителя злата.

Малфрида перевела взгляд на сына. Вышеслав тревожно-виновато смотрел ей в лицо. Он ничего не понял, поскольку даже не знал языка своих предков по матери. Он был чужим ей. Чем же теперь он мог ее утешить?

На другой день после отплытия варягов епископ Иоаким, взяв нескольких человек из своей челяди, пришел на Ингольвов двор – посмотреть, не нужно ли чего прибрать перед тем, как объявлять о продаже. Их ждала неприятная находка: отвязанная собака выла под закрытыми воротами, а в клети, где жила челядь, лежал холоп по прозванию Борода с перерезанным горлом.

Епископ велел зарыть его потихоньку и не болтать об этом. Кто бы ни оказался виновником, смерть холопа – не такое дело, чтобы поднимать шум. Умный Иоаким понимал: добиваясь осуждения неизвестно кого, он вызовет много новых ненужных смертей. Новгородцы недолюбливали наемную варяжскую дружину, в полезности которой усомнились за долгие годы мирной жизни. Промолчать епископ посчитал меньшим грехом. Помолившись над незаметной могилкой холопа, Иоаким попросил у Господа и о том, чтобы эта кровь стала последней и чтобы распря чудинов и варягов больше не давала дьяволу радости.

Глава 3

Теперь нужно снова рассказать о Загляде. После того как Асмунд Рейнландский приходил к Милуте мириться, Загляда думала о Снэульве весь вечер и утром, проснувшись, сразу вспомнила о нем. И одна мысль о том, что просто пришел новый день, наполнила ее неведомой прежде радостью, такой бурной и горячей, что оставаться без движения казалось невозможным. В доме было еще тихо, на лавках, на полатах и на полу всяк на свой лад сопели и похрюпывали во сне челядинцы. Загляда неслышно поднялась, умылась и принялась выгребать вчерашнюю золу из печи. Эта холопская обязанность не подходила хозяйской дочери, но Загляде хотелось хоть чем-то себя занять. За работой она то и дело поглядывала на тот угол стола, где вчера сидел Снэульв, и невольно улыбалась. И вся эта клеть с бревенчатыми стенами и черной закопченной кровлей казалась особенной и прекрасной, потому что вчера здесь был Снэульв. Подойдя с тряпкой протереть стол, она сначала провела ладонью по доске, которой вчера касались его руки, насмешливо фыркнула, удивляясь собственной глупости, но радость играла в ней яркой радугой. Что бы ни делала Загляда – чесала косу, подавала отцу умываться, мешала кашу, – все мысли ее занимали вчерашние гости, и ей хотелось петь на все лады чудесное имя молодого варяга.

Известие о том, что Милута помирился с варягами и не будет на них жаловаться посаднику, не порадовало Тармо, но и не заставило отказаться от жалобы. Он по-прежнему просил Милуту быть видоком. Через несколько дней, в четверг, Милута собирался в Олегову крепость к посаднику.

Когда мужчины уже приготовились идти, в сенях вдруг раздался стук и в клеть вошел княжеский гридь. Поклонившись хозяевам, он объявил, что купца Милуту с его людьми зовут ответчиком на посадничий суд.

– Ответчиком? Быть не может! – Милута настолько удивился, что даже не встревожился. – Спутали меня с кем-то иным. Мы никого обидеть не успели, только что воротились.

– Жалуется на вас Крушина, говорит, будто убыток вы ему причинили.

– Крушина?! – изумился Осеня. – Ну, да, Спех еще ему ларь опрокинул.

– И не я вовсе! – возмущенно крикнул Спех из другого угла. – Варяжина, топчи его тур!

– Ой, дурной день! – Милута покачал головой. – Тармо на варягов челом бьет, Крушина – на нас... И было бы из-за чего! Вот кабы в прошлый год он на меня нажаловался, когда я ему цену перебил...

– Ничего, авось и на него жалобщик сыщется! – предсказал Спех.

– Ты будешь видоком у Тармо, а Тармо – у тебя! – бодро утешил его Тормод. – Твое серебро останется при тебе.

– Видение было? – уныло спросил Милута. Он не слишком доверял предсказаниям Тормода, полагая, что тот выдает за пророчество то, чего сам хочет. – Все одно надобно идти. Тармо с родичами, поди, уж дожидается.

В небольшой крепости двор посадника не приходилось долго искать, и скоро отроки из посадничьей дружины уже вводили их в гридницу – просторную палату длиной в несколько десятков шагов. Вдоль стен тянулись лавки, занятые гридями посадника и разными людьми из города и округи, у кого нашлось к нему дело, на стенах висело оружие и разноцветные щиты с начищенными, блестящими умбонами посередине. В палате гудел разноязыкий говор – кто-то спорил, кто-то торговался, кто-то менялся новостями, дожидаясь своей очереди.

Посадник сидел впереди на возвышении, на резном кресле, которое было, по преданию, сделано еще для самого князя Олега Вещего. В узорах спинки и подлокотников переплетались змеи и страшно скалили свои зубастые пасти драконы. Возле ступенек возвышения лежали

большие лохматые псы. Они настороженно оглядывали собравшихся в гриднице и глухо ворчали, если кто-то подходил слишком близко к посаднику или заговаривал очень громко.

Посадник происходил из рода местной старинной ладожской знати и состоял в дальнем родстве с покойной женой Милуты; звали его Братомир Стоинегович, но за крепкое сложение он еще в молодости получил прозвище Дубыня. Это был крепкий темнобородый мужчина лет пятидесяти, не любивший ярко одеваться, и на простой свите некрашеного сукна ярко выделялась широкая серебряная гривна – знак власти. Его полуседые волосы были зачесаны назад, так что открывался высокий лоб, изрезанный глубокими продольными морщинами. Глаза его из-под густых черных бровей смотрели умно. Требовалось приложить немало труда, опыта и сообразительности, чтобы поддерживать мир между разношерстным здешним населением, но этому помогали его родовые связи глубиной в два-три века.

Приближаясь к посаднику, Милута сразу заметил возле него рыжебородого Крушину. С другой стороны стояли толпой чудины. Тармо ничем не выделялся среди них ни по одежде, ни в поведении, но даже незнакомец сразу понял бы, кто среди них старший.

– Говорят люди, будто на последнем торгу был непорядок, будто затеял твой человек свару с варягом и был оттого большой шум и всякое бесчинство, – сказал Дубыня Милуте, обменявшись приветствиями. – И сей муж, – посадник бросил взгляд на Крушину, который тут же подтянулся, словно пытался стать выше ростом, – говорит, что нанесли ему обиду и убыток, товар его по земле разметали, а товар дорогой, бусы да каменья... Верно говорю?

– Верно, господине наш, все верно! – подхватил тот, мстительно поглядывая на Милуту. – Убытки мои велики, а обида – и того больше. Драться на торгу – да где ж такое дозволяется?!

– И видоки его то же самое говорят, – послушав едва половину его речи, продолжил посадник и оглянулся на стоявших за спиной жалобщика нескольких горожан. – Крушину здесь всяк знает, он видоков нашел довольно. Что скажете?

– Всю правду скажем, по-иному никогда не говорили, – ответил Милута. – Была свара на торгу, и мой парень в той сваре был бит – сие правда. Да только мы со свейским гостем сие дело миром разобрали и обиды друг на друга не держим. А Крушинина ларя они не роняли – в пяти шагах, не меньше, тот ларь стоял. Вот у меня и видоки есть. – Он обернулся и указал на Тармо с родичами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.